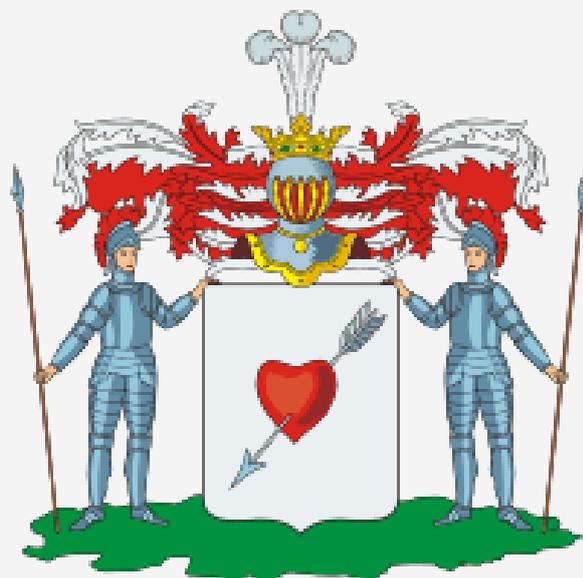

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
муниципального района Борский Самарской области
«Борская межпоселенческая библиотека»

Дворянский род Аксаковых

с. Борское 2013г.

**По материалам А.С. Кулешова.
Аксаковы. История разбитых судеб.**

**Редактор:
Бородин Н, А., директор МБУК «Борская межпоселенческая
Библиотека»**

**«Дворянский род Аксаковых»; информационный сборник/
по материалам А.С. Кулешова. Аксаковы. История разбитых
судеб.,
редактор Бородин Н.А. – Борское:
МБУК «Борская межпоселенческая библиотека»**

XX век. Исторические судьбы представителей рода Аксаковых

«И там и тут между рядами

Звучит один и тот же глас:

«Кто не за нас, тот против нас!»

«Нет возражений? Правда с нами!»

А я стою один меж них

В ревушем пламени и дыме

И всеми силами своими

Молюсь за тех и за других»

М.Волошин

В начале XX века существовало три ветви древнего дворянского рода Аксаковых: уфимско-самарская, тульско-рязанская и калужско-московская.

Судьбы Аксаковых, оставшихся в России, были типичными для большинства русских дворян. В первой половине XX века на них выпали все тяготы этого сложного периода истории России – войны, эмиграции, а после революции – различных притеснений, ограничений, репрессий.

УФИМСКО-САМАРСКАЯ ВЕТВЬ

Уфимско-самарская ветвь рода в начале XX века была представлена дочерью Григория Сергеевича Аксакова, Ольгой Григорьевной Аксаковой, а также семьей и потомками его сына, Сергея Григорьевича Аксакова.

Ольга Григорьевна Аксакова

На фото Ольга Григорьевна Аксакова. Собрание Государственного историко-художественного и литературного музея-заповедника «Абрамцево».

Ольга Григорьевна Аксакова родилась 26 декабря 1848 года в Симбирске. Крещена в 1849 году в Спасовознесенском соборе, восприемниками являлись Николай Тимофеевич Аксаков и поручица Екатерина Васильевна Кроткова.

Ольга была любимой внучкой писателя Сергея Тимофеевича Аксакова, ей посвящена книга «Детские годы Багрова внука» и сказка «Аленький цветочек». Замуж она не вышла, посвятила себя общественной работе. В 1889 году вблизи города Белебея основала кумысолечебное заведение (*ныне санаторий имени С.Т. Аксакова*). В своем имении она завела «образцовое» хозяйство, из которого в кумысолечебницу поставлялись молочные продукты, мясо и овощи.

В 1914 году в селе Языково Могутовской волости Бузулукского уезда Самарской губернии, где жила Ольга Григорьевна, произошел пожар, господский дом сгорел. О.Г. Аксакова поселилась в маленьком флигеле.

М.Н. Тихомиров так описывал его: «Барский» дом представляет собой маленький флигелёк в четыре комнаты с кухней. Внутри сохранившийся домик поражает простотой и даже бедностью убранства – старая мебель, копии картин на стенах, два шкапа с французскими и английскими романами. Но и в этой бедности убранства теплятся какие-то воспоминания о *минувшей жизни*.

По признанию исследователей, *«среди потомков писателя ей принадлежит особая роль, прежде всего потому, что она, собрав богатейший архив талантливых представителей рода Аксаковых, сохранила его, частично опубликовав, и остальное передала на хранение»*.

Архив, который сначала хранила ее мать, перешел к ней окончательно после раздела имущества с братом Сергеем. Ольга

Григорьевна Аксакова не просто хранила архив, но разбирала и описывала документы, в 1889 году подготовила к печати третий том писем Ивана Сергеевича Аксакова к родным.

На фото Ольга Григорьевна Аксакова. Собрание мемориального дома - музея С.Т. Аксакова в Уфе.

«Папа вспоминал Ольгу Григорьевну, свою тетку и крестную мать. Она известна всем как любимая внучка С.Т. Аксакова. Папа был ее любимым племянником, именно ему она хотела оставить наследство. Папа с юмором вспоминал ее прижимистость, как она ездила в Страхово в поезде третьим классом».

Из воспоминаний И.С. Аксаковой.

Жизнь Ольги Григорьевны Аксаковой после 1917 года привлекла внимание исследователей еще в начале 1960-х годов. Журналист Ф.Г. Попов собрал в местных архивах и узнал у очевидцев несколько фактов ее последних лет жизни.

В соответствии с принятой в советской историографии парадигмой, внучка писателя была причислена к «прогрессивным деятелям».

В статье Ф.Г. Попова утверждалось, что она поддержала «революционные перемены». В частности подчеркивалось, что когда в школах отменили преподавание Закона Божия, и родители перестали пускать детей в школу, то О.Г. Аксакова собрала крестьян и, поговорив с ними, убедила в неразумности такого поступка.

Когда в 1919 году в село Языково, где жила внучка писателя, вошли белогвардейские войска, то крестьяне были обвинены в том, что обижали Ольгу Григорьевну Аксакову. «Узнав об этом, Ольга Григорьевна приехала в сельское правление, где хозяйничали колчаковцы, и категорически опровергла обвинение, заявив, что ее никто и никогда не обижал».

Одно из зданий кумысолечебницы, основанной О.Г. Аксаковой. Фото 1900-х годов.

Собрание мемориального дома-музея С.Т. Аксакова в Уфе.

В статье Ф.Г. Попова отмечалось также, что *«в дружеских беседах с молодежью она выражала уверенность в том, что наш народ преодолеет разруху в стране и добьется небывалых успехов»*. Примером заботы о внучке писателя приводилась пенсия, назначенная в 1920 году *«по предписанию уездного комитета партии Бузулукского исполкома»*. Таким образом, создавался один из множества мифов о том, что О.Г.

Аксакова безоговорочно поддержала Советскую власть, а та, в свою очередь, бережно заботилась о пожилой помещице.

Однако источники и, в частности, отчет, написанный известным историком, впоследствии академиком М.Н. Тихомировым, о вывозе архива Аксаковых из села Языкова, вносит существенные коррективы в трактовки советского периода.

Кухня кумысолечебницы

М.Н. Тихомиров свидетельствовал, что *«поразительно хорошее»* отношение крестьян к Ольге Григорьевне Аксаковой действительно имело место, но обуславливалось не только симпатией к ней, но еще и обывательскими причинами, поскольку ее усадьба была очень маленькой и интереса «для разгрома» не представляла. Иным оказалось отношение местной власти, которая рассматривала имение как собственность волости. Уездные органы приняли меры к охране усадьбы, выдали охранную грамоту. О.Г. Аксакова была назначена *«запасной учительницей»* с поручением охранять семейный архив. Однако подобные меры не избавили ее от неумеренной и неуместной опеки, а также грубости властей. В феврале 1920 года уполномоченный по взятию на учет ценностей направил ей письмо, в котором бестактно угрожал *«привлечь к законной ответственности»*, если архив не будет сохранен в целостности. Такое напоминание являлось излишним, Ольга Григорьевна понимала историческую ценность архива и заботилась о нем еще до этого указания.

В 1921 году она стала научным сотрудником Общества археологии, истории и этнографии при Самарском университете. Выполняя его поручение, в последние месяцы жизни любимая внучка писателя делала копии с наиболее ценных документов архива. По ходатайству общества (а не по инициативе уездных властей, как указывалось в советских работах) О.Г. Аксаковой была назначена пенсия.

Забота об усадьбе и ее ценностях оказалась показной и декларативной. Несмотря на отчаянные протесты Ольги Григорьевны, именно местная власть начала расхищать собрание. Весной 1921 года в имение явилась комиссия, которая изъяла несколько альбомов, рисунков и экземпляр «Записок охотника» с автографом *И.С. Тургенева*. Весной следующего года Языково посетили представители Могутинского волостного исполкома, отобравшие несколько предметов из мебели и «лампу-попугай». Затем явился милиционер Сермягин, который произвел обыск и изъял два альбома с чистыми листами. Он крайне грубо обошелся с О.Г. Аксаковой. В ответ на протесты милиционер толкнул пожилую женщину локтем в грудь. Вполне возможно, что эти события ускорили смерть внучки писателя, последовавшую 7 апреля 1921 года в селе Языково Бузулукского уезда. Дата ее смерти была неизвестна эмигрантским генеалогам. Н.Н. Мазараки просто указал, что Ольга Григорьевна Аксакова «*жива в 1916 г.*».

Дату смерти, установленную Ф.Г. Поповым, подтверждает и отчет М.Н. Тихомирова, который указывал, что внучка писателя умерла в апреле 1921 года.

После ее смерти охрану аксаковского архива временно взяла на себя Хиония Семеновна Лихачева, бывшая служанка О.Г. Аксаковой, прожившая с ней более 30 лет. «Вот этим двум женщинам Аксаковский архив, главным образом, и обязан своим спасением, почти чудесным среди общего разгрома помещичьих усадеб», – резюмировал М.Н. Тихомиров. В судьбе архива приняла также участие местная уроженка А.Г. Смараглова. Она съездила в Самару и привлекла внимание губернских органов к ценностям усадьбы.

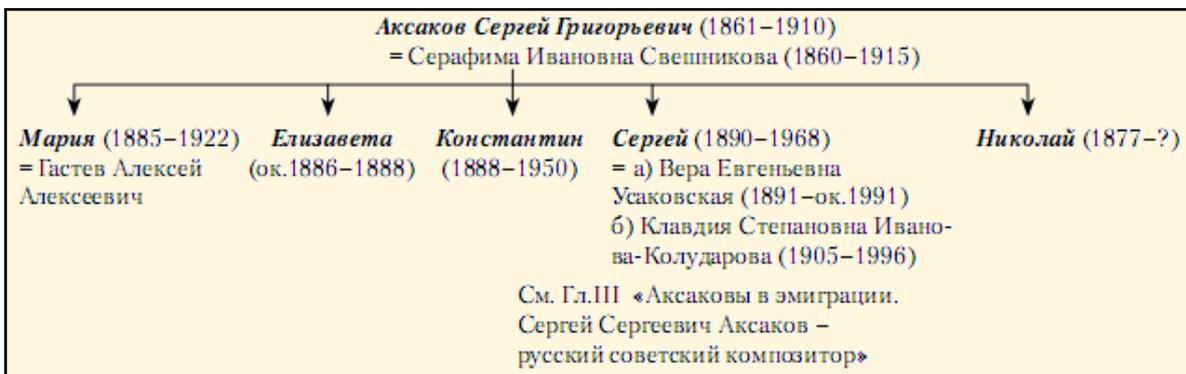
Вопрос о передаче документов в какое-либо центральное хранилище был поставлен еще при жизни Ольги Григорьевны Аксаковой. В начале марта 1921 года Общество археологии, истории и этнографии приняло предложение своего председателя А.С. Башкирова и направило М.Н. Тихомирова в Языково, чтобы договориться с Ольгой Григорьевной о передаче материалов Сергея Тимофеевича Аксакова в Самару. Однако пока он собирался, внучка писателя скончалась. М.Н. Тихомиров выполнил поручение и вывез наиболее ценные мемориальные предметы, остались «только вещи сравнительно небольшого значения». В отчете историк подробно перечислил вывезенное имущество: мебель, рукописи, фотографии, портреты, письма. Разработал меры для сохранения мемориального места: передать усадьбу в ведение Самарского отделения Главнауки или Общества археологии, истории и этнографии, поручить заведование и охрану дома Х.С. Лихачевой, выразить благодарность Х.С. Лихачевой и А.Г. Смарагловой за спасение аксаковского архива.

Сергей Григорьевич Аксаков

Сергей Григорьевич Аксаков, родился 28 августа 1861 года в Уфе. Крещен в Градо-Уфимской Троицкой церкви, воспитанниками были

действительный статский советник Петр Иванович Булгаков и его сестра Ольга Григорьевна Аксакова.

Как и отец, Сергей Григорьевич служил в системе Министерства внутренних дел, начав карьеру в 1887 г. оду в одном из самых значимых его подразделений – Земском отделе.

В дальнейшем он был переведен в Варшавскую губернию, являлся комиссаром по крестьянским делам Вроцлавского уезда, затем вернулся служить на родину, стал земским начальником Бузулукского уезда Самарской губернии, где ему принадлежало имение – село Страхово. По информации, сохранившейся у потомков, Сергей Григорьевич прекрасно играл на скрипке и страдал эпилепсией.

Умер Сергей Григорьевич Аксаков 8 ноября 1910 года в Санкт-Петербурге и был погребен 14 ноября в имении Страхово Самарской губернии.

Женился Сергей Григорьевич Аксаков 29 апреля 1884 года в Санкт-Петербурге на Серафиме Ивановне Свешниковой (1860 – ок. 1919 гг.), дочери капитана 1 ранга, затем

Одна из свадебных фотографий Сергея Григорьевича и Серафимы Ивановны Аксаковых. Личное собрание И.С. Аксаковой. Город Лобня Московской области. Россия

контр-адмирала Ивана Ивановича Свешникова и его жены Елизаветы Николаевны (урожденной Сотири).

У Сергея Григорьевича Аксакова было пятеро детей – три сына (Николай, Сергей и Константин) и две дочери (Мария и Елизавета).

Николай родился 3 мая 1877 года в селе Аксаково Бугурусланского уезда Самарской губернии. Умер в детстве.

Младшая дочь Елизавета родилась в 1886 году, умерла 24 марта 1888 года и погребена в Санкт-Петербурге вместе с бабушкой Елизаветой Николаевной Свешниковой

Мария Сергеевна Аксакова

Дочь Сергея Григорьевича Аксакова – Мария родилась 6 марта 1885 года в Санкт-Петербурге.

Была замужем за известным офтальмологом, доктором медицины Алексеем Алексеевичем

Серафима Ивановна Аксакова
(урожденная Свешникова).
Собрание Государственного
историко - художественного и
литературного музея - заповедника
«Абрамцево».

Гастевым. Во время второй мировой войны доцент А.А. Гастев читал лекции на кафедре Санкт-Петербургской государственной медицинской академии им. И.И. Мечникова. С 1938 по 1945 гг. занимал должность декана

На добрую память
дарю Много уважаемой
дорогой сестрице Марии
Сергеевне Благодарю
вас с сердечным дружеским
сестрицким приветом
и очень хороших отключенных
французских солдатиков
Благодарствую вам
осталось солдатиков ружья
Александр Александров
Шанабу
1915 г 23го апреля

хирургического факультета, созданного приказом Наркомздрава от 19 октября 1936 года № 95. Родной брат А.А. Гастева Владимир был женат на двоюродной сестре Марии Сергеевны – Кире, дочери приват-доцента Митрофана Ивановича Свешникова.

У племянницы Марии Сергеевны Аксаковой (в замужестве Гастевой) сохранилась старая фотография солдата времен Первой мировой войны, с обратной стороны которой малограмотно написаны слова искренней благодарности Марии Сергеевне, за ее внимание «к раненым солдатикам». Личное собрание И.С. Аксаковой. Город Лобня Московской области. Россия.

Умер А.А. Гастевок. 1968 года, похоронен в Ленинграде на Охтинском кладбище (по информации И.С. Аксаковой, племянницы Марии Сергеевны).

Во время первой мировой войны Мария Сергеевна добровольно стала работать в госпитале сестрой милосердия. В семейном архиве Ирины Сергеевны Аксаковой сохранилась фотография одного из солдат, Александра Алексеевича Иванова, за которым после ранения ухаживала Мария Сергеевна. На обратной стороне фотографии полуграмотно написаны трогательные слова благодарности, адресованные М.С. Аксаковой, и поставлена дата 23 апреля 1915 года.

Именно своей старшей сестре Марии оставил на хранение семейные реликвии (книги и вещи) ее брат, композитор Сергей Сергеевич Аксаков, когда в смутное время с семьей отправился в далекий путь в Китай через территорию, занятую армиями А.В. Колчака.

Детей в семье Гастевых не было. Мария Сергеевна Аксакова умерла 25 декабря 1922 года и похоронена в Петрограде.

Константин Сергеевич Аксаков

Константин Сергеевич Аксаков родился 4 октября 1888 года в Царском Селе, был крещен в Царскосельской придворной церкви.

Константин Сергеевич Аксаков.
Фото начала XX века. Личное собрание И.С. Аксаковой. Город Лобня Московской области. Россия.

Вместе с братом Сергеем учился в престижной Поливановской гимназии в Москве. Он страдал детским параличом, который в шутку приписывал «гимназическим волнениям», плохо владел ногой и рукой. Несмотря на физический недостаток, любил танцевать, а резко

выраженное заикание не мешало ему выступать с декламацией литературных произведений. Татьяна Александровна Аксакова вспоминала, что из-за его плохой дикции не оценила в юности стихов А. Блока. В начале XX века Константин Сергеевич Аксаков руководил собственным частным театром.

После революции проживал вместе с братом Сергеем Сергеевичем Аксаковым в Харбине, а после 1928 года в Шанхае. Умер Константин Сергеевич Аксаков 23 ноября 1950 года в Шанхае, был кремирован, прах предан земле.

Сергей Сергеевич Аксаков

Сергей Сергеевич Аксаков, впоследствии известный русский – советский композитор родился 24 декабря 1890 года в Самаре. Его судьба и судьбы его потомков описаны в Главе III, «Аксаковы в Эмиграции».

Константин Сергеевич (слева) с братом Сергеем Сергеевичем (справа) перед прогулкой на велосипедах. Фото начала XX века. Личное собрание И.С. Аксаковой. Город Лобня Московской области. Россия.

ТУЛЬСКО-РЯЗАНСКАЯ ВЕТВЬ

Тулско-рязанская ветвь рода в начале XX века была представлена детьми Петра Николаевича Аксакова, Николаем, Александром и Василием.

Из них особенно выделялись двое – Николай Петрович и Александр Петрович, проявившие себя в области общественной деятельности и литературы.

Николай Петрович Аксаков

Известный поэт и публицист Николай Петрович Аксаков родился 18 июня 1848 года. Получил домашнее образование, затем учился в университетах Германии и Франции. В 1868 году в Гессене защитил диссертацию «Идея Божества», за которую получил степень доктора философии.

С 1868 года жил в Москве, с 1895 года – в Санкт-Петербурге. Особенный интерес проявлял к истории славянских народов. Являлся секретарем Общества любителей российской словесности и председателем Аксаковского общества. По общественным взглядам примыкал к славянофилам, но подвергал критике отдельные положения их теории, в частности – учение о государстве.

В апреле 1893 года Николай Петрович Аксаков поступил на службу в Государственный контроль, был командирован в Департамент железнодорожной отчетности, где прослужил около 10 лет, чина не имел.

Умер Николай Петрович Аксаков 5 апреля 1909 года в Санкт-Петербурге. Информация о браке и потомстве Николая Петровича Аксакова в известных нам источниках отсутствует.

Александр Петрович Аксаков

Публицист и литератор Александр Петрович Аксаков родился 17 января 1850 года в селе Юдинки Алексинского уезда Тульской губернии.

В службу вступил в 1877 году в Министерство государственных имуществ, с 1892 года – коллежский регистратор, служил в местных органах Тверской, Новгородской, Ярославской губерний, преимущественно – в губернских статистических комитетах.

Во время всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года состоял членом Ярославской губернской переписной комиссии. В 1901 году причислен к Министерству юстиции, с 1904 года – младший ревизор Департамента военной и морской отчетности Государственного контроля в чине коллежского асессора, затем – надворного советника.

Александр Петрович Аксаков разрабатывал теорию о способах исправления преступников, главным считая труд на благо людей и Бога. Предлагал реформировать тюремную систему России, но его проекты не были реализованы. Издавал сборник «Братская жизнь» (1910–1911 гг.) и журнал «Зерна» (1916–1917 гг.). В последнем издании сотрудничали его брат Федор Петрович и сестра Прасковья Петровна, редактировал газету «Южное Слово». Умер в 1917 году, был холост.

Василий Петрович Аксаков

Их младший брат Василий Петрович Аксаков избрал военную карьеру. Он родился 1 сентября 1857 году в городе Серпухове. Окончил II Военное Константиновское училище и в 1880 году был назначен прапорщиком в 6-ю резервную артиллерийскую бригаду. В 1885 году переведен в 1-ю Гренадерскую артиллерийскую бригаду, а в 1891 году – в Ивангородскую крепостную артиллерию. За время службы достиг чина штабс-капитана. Из-за слабого здоровья его постоянно командировали в артиллерийские части, расположенные в южной части страны: в 1896 году – в Севастопольскую крепостную артиллерию на 1 год, в 1900 году – в Кавказское окружное артиллерийское управление на тот же срок. В феврале 1902 года Василий Петрович Аксаков был окончательно зачислен в запас полевой пешей артиллерии.

Женат Василий Петрович Аксаков был на московской мещанке Матрене Его ровне Золотаревой. Судя по формулярным спискам, детей у них не было. Умер Василий Петрович Аксаков в 1908 году, погребен в селе Чашниково Зубцовского уезда Тверской губернии.

В ходе настоящего исследования не удалось обнаружить сведения о представителях тульско-рязанской ветви после 1917 г. Возможно, что она пресеклась. Это предположение разделяют потомки Прасковьи Петровны Квашниной-Самариной (урожденной Аксаковой).

КАЛУЖСКО-МОСКОВСКАЯ ВЕТВЬ

Калужско-московская ветвь рода в начале XX века была представлена семьями Сергея Васильевича Аксакова, его брата Николая Васильевича Аксакова и их потомками. Данная ветвь рода Аксаковых ранее целенаправленно не изучалась, информация о них за XX век практически отсутствовала. Собрать, а главное увязать разрозненные сведения стало возможным лишь в 1990-х годах, когда для оставшихся в живых потомков открылся доступ к архивам ОГПУ – НКВД – КГБ.

У Сергея Васильевича Аксакова было трое детей, сын Василий и две дочери, Екатерина и Надежда.

Екатерина Сергеевна Аксакова

Старшая дочь Екатерина Сергеевна Аксакова родилась 7 апреля 1864 года.

Крещена 11 апреля 1864 года в Троицкой, что в Вешняках, церкви г. Москвы. Была замужем, носила фамилию мужа – Зинина. На 1927 год из обращения ее сестры Надежды к Е.П. Пешковой по поводу освобождения арестованного брата Василия Сергеевича Аксакова, упомянута как вдова, находящаяся у Василия Сергеевича на иждивении. Умерла после 1927 г.

Василий Сергеевич Аксаков

Василий Сергеевич Аксаков родился 9 сентября 1865 года в Москве. Крещен там же в Николаевской церкви. Восприемники: дед по матери, коллежский асессор, служащий по особым поручениям Василий Григорьевич Некрасов и жена священника Александра Матвеевна Соловьева (из дворян). Семья проживала в Москве в доме Некрасовых на Пятницкой улице.

С 1875 по 1880 гг. Василий Сергеевич Аксаков учился в 1 московской прогимназии, затем родители перевели его в 3-ю московскую гимназию, которую он закончил в 1882 году. В этом же году он был зачислен на юридический факультет Московского университета, где проучился 7 семестров. В связи с перерывом, связанным с вступлением во владение имуществом, учебу возобновил в Демидовском лицее, куда перевелся из университета. Губернский секретарь, в 1901 г. коллежский асессор.

К этому времени относится запрос в Московское Дворянское Депутатское собрание о подтверждении родства В.С. Аксакова с целью его утверждения в правах наследства умершей Марии Евдокимовны Чашниковой (скончалась 9 января 1901 г.), мать которой, Евдокия Николаевна, была замужем за подпоручиком Евдокимом Владимировичем Чашниковым и являлась дочерью капрала Николая Ивановича Аксакова.

В документе подчеркивается, что Василий Сергеевич Аксаков – сын Сергея Васильевича, внук Василия Николаевича и правнук капрала Николая Ивановича Аксаковых. Поскольку до 1775 года записей в метрических книгах не имеется (так указано в прошении от 27 марта 1901

г. – А.К.), то запрашивались копии родословных линий Аксаковых и Чашниковых.

Отсутствие метрических записей подтверждает и надпись на надгробном камне Василия Николаевича Аксакова, говорящая о невозможности установления точной даты рождения умершего (жития его было более 100 лет).

В 1907 г. Василий Сергеевич Аксаков имел чин надворного советника, являлся товарищем прокурора СПб. Окружного суда.

В 1917 году состоял в той же должности в Новочеркасской судебной палате. В 1918 году был членом-консультантом в юридическом отделе Всевеликого войска Донского, что негативно отразилось на его дальнейшей судьбе в Советской России.

Приведенная ниже информация о Василии Сергеевиче Аксакове была получена из фонда Е.П. Пешковой, возглавлявшей общественную организацию «Помощь политическим заключенным».

В опросном листе В.С. Аксакова указано, что в 1919 году он вернулся в Москву, проживал на Пятницкой улице, Старо-Палашевский переулок д. 11, кв. 3. Холост. На иждивении у него находились две сестры – Екатерина Сергеевна Зинина (вдова) и Надежда Сергеевна Аксакова (девица).

Дворянского происхождения своего Василий Сергеевич не скрывал. Он указал также, что является автором большого количества статей по юридическим вопросам, которые были опубликованы в журнале Министерства юстиции.

5 декабря 1921 года В.С. Аксаков был принят на должность помощника начальника кодификационного подотдела Главного управления по топливу, а в 1922 году был назначен начальником этого подотдела с окладом по 15 разряду 17 разрядной тарифной сетки с освобождением от уплаты коммунальных услуг. В 1924 году В.С. Аксаков был уволен по сокращению штатов. В этом же году устроился юрисконсульт в Теплотехнический институт им. Гриневецкого и Кирша.

13 декабря 1926 года Василий Сергеевич Аксаков был вызван в следственные органы, где подвергся аресту по подозрению в участии по делу большевиков в Ново-черкасске. Об его освобождении ходатайствовали родные и руководство института.

В фонде Е.П. Пешковой хранится письмо его сестры Надежды Сергеевны. В нем сообщается, что в период событий в Новочеркасске ее брат был в командировке и участия в них не принимал.

Судя по всему, вина В.С. Аксакова не была доказана и он был отпущен на свободу. Умер Василий Сергеевич Аксаков в Москве 8 марта 1935 года от кровоизлияния мозга (так в свидетельстве о смерти).

Надежда Сергеевна Аксакова

Надежда Сергеевна Аксакова родилась 24 октября 1872 года. Крещена 27 октября 1872 года в Успенской, что в Казачьей на Полянке

в церкви г. Москвы.

В архивах сохранились несколько документов, связанных с утратой ею копии протокола от 7 мая 1879 года за № 400 о ее дворянском происхождении, о чем она сообщает в своем заявлении от 10 сентября 1893 года Московскому Обер-Полицмейстеру. В нем дочь титулярного советника просит «сделать распоряжение о розыске» утраченного документа. На прошении Надежды Сергеевны Аксаковой от имени начальника сыскной полиции сделана запись: «*Объявление об утрате документа Надеждою Аксаковою [так в тексте – А.К.] отослано для напечатания в Московских Губернских Ведомостях в Московское Губернское Правление 14 сентября 1893 года за № 8568*».

Далее в деле помимо прошения Н.С. Аксаковой в Московское Дворянское Депутатское Собрание о выдачи копии с протокола о дворянском происхождении и самого свидетельства находится документ Правления Императорского Московского Университета от 11 ноября 1893 года № 4565 «*О доставлении 3 руб. 96 коп. за напечатание в Московских Ведомостях объявлений*».

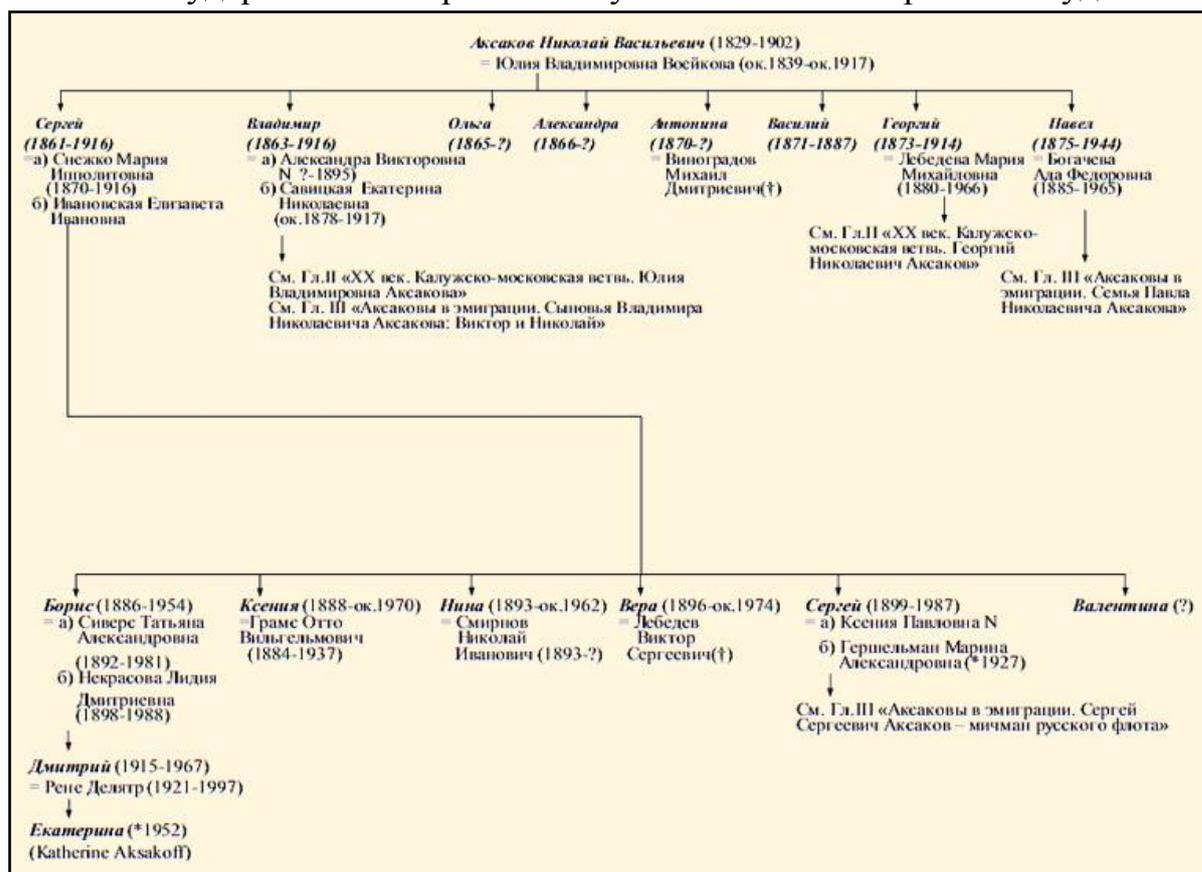
Замужем Надежда Сергеевна Аксакова не была. Умерла 30 сентября 1930 года.

У Николая Васильевича Аксакова было восемь детей: 5 сыновей (Сергей, Владимир, Василий, Георгий, Павел) и 3 дочери (Ольга, Александра, Антонина). Все они, за исключением Василия, в начале XX века были живы.

Василий Николаевич Аксаков

Василий Николаевич Аксаков был третьим сыном в семье. Он родился в Козельске 21 ноября 1871 года.

В Государственном архиве Калужской области хранится судебное

дело матери Василия Николаевича, Юлии Владимировны Аксаковой (урожденной Воейковой). Она обвинялась соседями по имению в жестоком обращении с шестилетним сыном Василием. На суде мать говорила о лени и хитрости сына, выдавая свои действия по отношению к нему за методы воспитания, отказываясь их прекратить. Во время слушаний даже падала в обморок. Приведенные факты характеризовали Ю.В. Аксакову не с лучшей стороны. Однако, поскольку руководящие чины округа, в том числе судебных органов, состояли в родстве с Аксаковыми и Воейковыми, дело было закрыто полюбовно и обвинение с Юлии Владимировны снято.

Умер Василий Николаевич от чахотки подростком, 8 ноября 1887 года. Похоронен на Пятницком кладбище Калуги.

Сергей Николаевич Аксаков

Старший сын Сергей Николаевич Аксаков родился 29 октября 1861 года в Калуге, крещен 5 ноября 1861 года в Георгиевской «за верхом» церкви там же. Окончил Орловскую Бахтина военную гимназию и III Военное Александровское училище по 1 разряду. В августе 1881 года был определен поручиком в 5-й Гренадерский Киевский Его Величества короля Нидерландского полк, где с 1882 года исправлял должность батальонного адъютанта. В мае-июне 1883 года находился в Москве среди войск, собранных по случаю коронации Александра III и его супруги.

Через несколько лет службы С.Н. Аксаков решил освоить специальность артиллериста, для чего в апреле 1885 года был прикомандирован ко 2-ой Гренадерской артиллерийской бригаде для «испытания по службе и перевода впоследствии в артиллерию». С 1887 года заведовал полковой учебной командой.

В мае 1891 года Сергей Николаевич Аксаков получил чин штабс-капитана и принял решение оставить службу, через два месяца он был зачислен в запас армейской пехоты по Калужскому уезду, а в мае 1893 года окончательно уволен из запаса в отставку. К тому времени он нашел место в Калуге, являлся смотрителем Калужской губернской типографии.

Находясь в отставке, он активно работал в земских учреждениях Калужской губернии и Козельского уезда. Эта служба началась в 1895 году с должности земского начальника 5-го участка Козельского уезда. С 1903 года и до смерти Сергей Николаевич Аксаков являлся гласным Козельского уездного земского собрания. С середины 1910-х годов он участвовал в деятельности губернских земских учреждений: с 1907 года – гласный Калужского губернского земского собрания, с 1909 года – член Калужской губернской земской управы. По поручению губернского земского собрания, в 1912–1916 годах Сергей Николаевич работал в Калужской губернской землеустроительной комиссии. Одновременно служил в органах дворянского самоуправления, в 1915 году был избран депутатом от Козельского уезда. С.Н. Аксаков увлекался археологией, свои находки передавал в Калужский краеведческий музей, в котором они

сохранились до настоящего времени. В частности, в 2007 году в экспозицию музея был возвращен зуб мамонта, переданный музеем Сергеем Николаевичем Аксаковым.

На момент выхода в отставку (в 1893 г.) имений за ним не числилось, хотя 17 апреля 1885 года на его имя мать приобрела за 3 тысячи рублей серебром у жены губернского секретаря Надежды Дмитриевны Мухановой (урожденной Танагель) двухэтажный дом в Калуге. Впоследствии Сергей Николаевич унаследовал от матери имение Антипово, но поддержать материальную стабильность не смог. В начале XX века земля была заложена в Дворянский банк, и каждый раз средства для оплаты процентов изыскивались с большим трудом.

«Жгучий брюнет, высокого роста, худощавый, с откинутыми назад густыми волосами» – так описывает Татьяна Александровна Аксакова в мемуарах внешность своего тестя.

Сергей Николаевич Аксаков женился на дочери надворного советника Марии Ипполитовне Снежко, как указано в источниках «римско-католического вероисповедания», и имел двух сыновей (Бориса и Сергея) и четырех дочерей (Ксению, Нину, Веру, Валентину). Около 1912 года он развелся с женой и сочетался браком с дальней родственницей Елизаветой Ивановной Ивановской, вдовой офицера. «Это была маленькая, кругленькая женщина с бледным, слегка одутловатым лицом, немного слезливая и любившая читать стихи из сборника «Чтец-декламатор». У Елизаветы Ивановны был небольшой капиталец и шестнадцатилетняя дочка от первого брака».

Второй брак С.Н. Аксакова значительно осложнил ситуацию в семье. Дети не приняли мачеху, *«сомкнулись против нее объединенным фронтом»* во главе со старшим сыном Борисом. Его позиция, в конечном счете, привела к размолвке с отцом. Особенно неприятная ситуация сложилась в связи с тем, что первая жена Сергея Николаевича, мать его детей, Мария Ипполитовна, в то время тяжело болела. У нее был рак груди, ей сделали операцию. Однако она была вынуждена работать в городской аптеке Калуги и жить в комнате при ней. Вместе с матерью находилась дочь Нина, которая училась в музыкальной школе.

Умер Сергей Николаевич Аксаков летом 1916 года в Калуге, скоропостижно, от острого кишечного заболевания.

Владимир Николаевич Аксаков

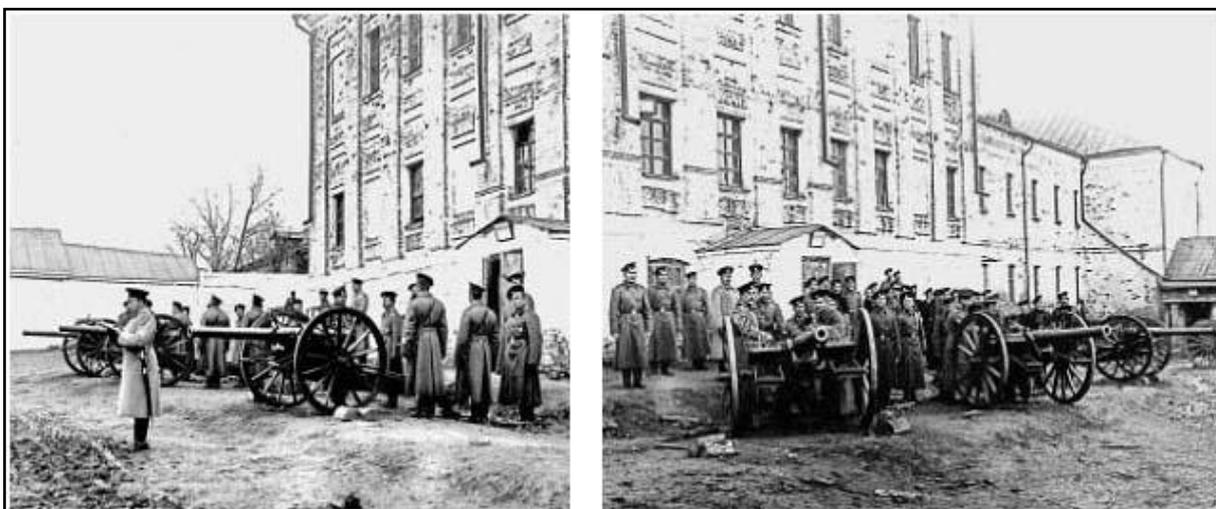
Второй сын Николая Васильевича Аксакова – Владимир, родился 20 марта 1863 года и был крещен 23 марта 1863 года в Ильинской церкви села Ильинского на Бобне Можайского уезда Московской губернии.

Как и старший брат, он окончил Орловскую Бахтина военную гимназию (в 1882 г.) и III Военное Александровское училище по 1 разряду (в 1884 г.). После окончания училища, в августе 1884 года, Владимир Николаевич Аксаков был произведен в подпоручики и отправлен в 21-й пехотный Муромский полк. В феврале 1887 года, как и брата Сергея, его прикомандировали к той же 2-й Гренадерской

артиллерийской бригаде «для испытания по службе и перевода впоследствии в артиллерию». Вся его дальнейшая карьера оказалась связанной с артиллерией.

С мая 1888 года Владимир Николаевич Аксаков служил в 7-й Артиллерийской бригаде. В ноябре того же года получил чин поручика, занимался административной работой, выполнил ряд ответственных поручений по службе. Например, осенью 1889 года ездил в Варшаву для сдачи и приема лафетов и повозок, затем был командирован в Штаб Варшавского военного округа для исполнения обязанностей помощника старшего адъютанта (с 18 сентября 1890 г.).

В декабре 1890 года В.Н. Аксаков был назначен помощником старшего адъютанта с зачислением по полевой пешей артиллерии, а в ноябре 1895 года переведен в 35-ю Артиллерийскую бригаду, где вскоре стал командиром полубатареи, членом бригадного суда. В 1896 году он

3-я артиллерийская бригада у казармы близ лазарета. Калуга. Фото 1909 года. В этой бригаде в 1896 году старшим офицером батареи служил Владимир Николаевич Аксаков. К 1909 году в звании подполковника он находился на более высоких должностях. Собрание Калужского областного краеведческого музея. Калуга. Россия.

перешел на службу в 3-ю Артиллерийскую бригаду, где попеременно занимал должности делопроизводителя бригадного суда и старшего офицера батареи.

С 1901 года Владимир Николаевич занимал командные должности. В июне 1905 года был переведен на службу во 2-ю Гренадерскую артиллерийскую бригаду. В мае 1907 года – в 13-ю Артиллерийскую бригаду, в апреле 1908 года был произведен в подполковники и назначен командиром 2 батареи 42-й Артиллерийской бригады.

В 1909 году был командирован на должность временного члена, сначала Киевского, а затем Черниговского военно-окружного суда. С 1911 года командовал более крупными подразделениями – дивизионами.

Он принимал участие в крупнейших военных конфликтах начала XX века: в Русско-японской и мировой войнах. Во время первой из них Владимир Николаевич Аксаков находился в составе Манчжурской действующей армии, участвовал в Ляоянском сражении. В мировой войне участвовал с первых дней, 29 июля 1914 года выступил в поход из города Нежина в составе мобилизованной бригады со 2-й батареей. Через день Владимир Николаевич Аксаков прибыл в пункт сосредоточения войск 21-го армейского корпуса, находящегося на территории Австро-Венгрии. Как и раньше, командуя дивизионом, принимал непосредственное участие в боевых действиях в Карпатах.

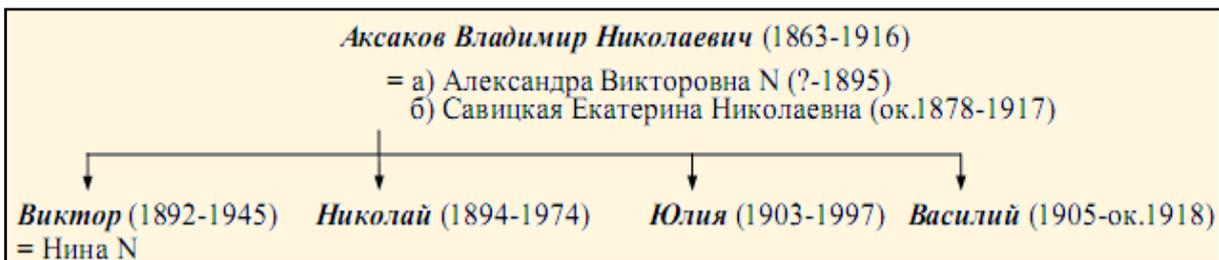
Храбрость Владимира Николаевича Аксакова была отмечена двумя орденами (оба – за отличия в боях против неприятеля): Святой Анны Второй степени с мечами (в январе 1915 г.) и четвертой степени с надписью «За храбрость» (в сентябре 1915 г.).

Шуточное фото ок 1912 года. Во дворе аксаковского дома в Калуге, во время одного из торжеств в семье. Вместо лошади Владимир Николаевич Аксаков. Справа с рушником облокотилась о телегу его мать, Юлия Владимировна. На переднем плане в телеге его младший сын Василий. Сидят: Александра Николаевна (слева с повязкой на голове), рядом Ольга Николаевна. Сзади них: Ксения Сергеевна (слева) и Нина Сергеевна (справа). Личное собрание
А.В. Антошко. Москва. Россия

В марте 1915 года Владимир Николаевич Аксаков был тяжело ранен, эвакуирован в Россию из действующей армии, находился в госпитале. Ранение препятствовало исполнению должности командира батареи, и в июне его отчислили в резерв чинов Киевского военного округа. Он был признан годным к службе в обстановке мирного времени на нестроевых должностях и командирован в распоряжение начальника Петроградской местной бригады для исправления должности венденского

уездного воинского начальника. В январе 1916 года Владимир Николаевич Аксаков получил новое назначение, став севским уездным воинским начальником.

Женат Владимир Николаевич Аксаков был дважды. Первый раз – на Александре Викторовне, умершей 21 апреля 1895 года. Ее девичьей фамилии установить не удалось. От нее имел двух сыновей: Виктора, родившегося 29 октября 1892 года, и Николая, родившегося 11 марта 1894 года. Их судьбы описаны в Главе III «Аксаковы в Эмиграции».

Второй супругой Владимира Николаевича стала Екатерина Николаевна Савицкая, дочь генерал-майора в отставке Николая Владимировича Савицкого, которая была моложе мужа почти на двадцать лет. От нее Владимир Николаевич Аксаков имел дочь Юлию, родившуюся 2 ноября 1903 года, и сына Василия родившегося 5 сентября 1905 года.

Все три сына Владимира Николаевича Аксакова, как и отец, избрали военную карьеру и в 1910-х годах учились в соответствующих учебных заведениях. Немаловажную роль при подобном выборе играли материальные стимулы, возможность получить образование за казенный счет.

Умер Владимир Николаевич Аксаков 10 ноября 1916 года в Севске, был отпет в Казанской церкви Севска и погребен 15 ноября 1916 года на городском кладбище. Несмотря на храбрость и высокую армейскую дисциплину, как видно из переписки его дочери Юлии Владимировны Аксаковой с кузиной Натальей Павловной Потоцкой, Владимир Николаевич был человеком мягким, доброжелательным и очень внимательным к людям.

Единственным средством существования для его семьи, как и для большинства русских офицеров начала XX века, являлось жалование. После смерти кормильца его жена и дети попали в тяжелое материальное положение. Уже через неделю после смерти мужа Елена Николаевна Аксакова обратилась с просьбой о назначении пенсии. Ей и дочери была определена выплата в размере 1214 рублей в год (838 рублей из Государственного казначейства и 376 рублей из Эмеритальной кассы). Однако сложности военного времени и инфляция обесценили эти средства. 28 марта 1917 года Елена Николаевна повторно обратилась с прошением о пересмотре пенсии и назначении ее в соответствии с предпоследней должностью мужа как командира батареи. Благодаря этому денежное довольствие было бы больше, но в этой просьбе ей было

отказано, а в результате революционной ситуации нависла реальная угроза остаться совсем без содержания.

Вполне возможно, что тяжелое материальное положение послужило одной из причин семейной трагедии. 7 сентября 1917 года Елена Николаевна Аксакова покончила с собой, как указано в документах, «под влиянием острого приступа меланхолии». Погребена она 10 сентября 1917 года на Пятницком кладбище Калуги.

Ее дети Василий и Юлия остались сиротами, но на этом трагедии семьи не закончились.

Младшим ребенком в семье был Василий. Родился он 5 сентября 1905 года в Калуге, и был крещен через неделю в Покровской «на рву» церкви (восприемники – дядя коллежский советник Сергей Николаевич Аксаков и его дочь, двоюродная сестра новорожденного Ксения Сергеевна Аксакова). В 1916 году он учился в Орловском Бахтина кадетском корпусе.

О Василии Владимировиче Аксакове упоминает его кузина, Наталья Павловна Потоцкая, в воспоминаниях о своей матери, Варваре Васильевне (урожденной Воейковой).

«Варвара Васильевна никогда не относилась отрицательно к той среде, из которой она вышла и с которой была кровно связана. В доме Потоцких несколько раз в год съезжались ее племянницы из Екатерининского и Дворянского институтов, а в воскресенье приходили племянники – кадеты Вася Аксаков, Володя Крузештерн и Кока Вяземский».

По сохранившимся документам Василий Владимирович Аксаков был убит в 1918 году на юге России. Обстоятельства его смерти стали известны со слов его старшего брата, Николая Владимировича Аксакова, служившего в Белой армии. Василий сумел добраться до него и в силу юного возраста (13 лет) был определен в обоз при кухне. Во время военных действий обоз оказался отрезанным от боевых частей и все, находившиеся в нем, были жестоко убиты красными. Среди трупов Николай Владимирович нашел изуродованное тело младшего брата, язык был отрезан, на плечах по коже были вырезаны погоны. Неоправданная жестокость поразила Н.В. Аксакова, он стал замкнутым и ожесточенным.

В 2008 году стало известно, что в 1930-е годы в Болгарии у Николая Владимировича Аксакова были жена, болгарка и сын, которого звали Василием.

Георгий Николаевич Аксаков

Четвертый сын Николая Васильевича Аксакова – Георгий (Юрий) родился 4 сентября 1873 года, крещен был 8 сентября 1873 года в Николаевской церкви села Кцыни Жиздринского уезда Калужской губернии.

Георгий Николаевич Аксаков сначала учился в Московской I прогимназии, а в 1887 году был переведен родителями в Калужское реальное училище. Полного курса не окончил, что в дальнейшем создало сложности при продвижении по службе, которая началась в марте 1892

года с должности канцелярского служителя в Калужском окружном суде. С ноября 1898 года Г.Н. Аксаков исправлял должность судебного пристава Калужского окружного суда по Лихвинскому уезду, при этом не имел никакого классного чина и коллежским регистратором стал только через три месяца, в январе 1899 года. В октябре 1903 года перешел на аналогичную должность в Медынский уезд.

С началом Русско-японской войны был мобилизован в действующую армию и 13 июня 1905 года поступил в распоряжение командующего войсками Сибирского военного округа для замещения должности помощника смотрителя полевых запасных госпиталей, формируемых в Иркутске. Через месяц Г.Н. Аксаков был командирован в Иркутск в распоряжение начальника санитарно-эвакуационной части, стал помощником смотрителя Иркутского шатрового сводного госпиталя № 7.

В сентябре 1905 года Георгия Николаевича Аксакова командировали в Москву на должность заведующего хозяйством сборно-санитарного поезда № 179, а в марте-июне 1906 года – на должность смотрителя Иркутского запасного сводного госпиталя. После расформирования госпиталя он был уволен в запас и вернулся на службу в судебные органы Калужской губернии. В мае 1907 года его назначили канцелярским чиновником Калужского окружного суда, затем он исправлял должность судебного пристава Калужского окружного суда по Калужскому, а позднее по Перемышльскому уезду, дослужившись в 1914 году до чина надворного советника.

Женат Георгий Николаевич Аксаков был на слушательнице Елизаветинского института благородных девиц в Москве, Марии Михайловне Лебедевой. Свадьба состоялась 30 января 1900 года в городе Белеве Тульской губернии. Шафером на ней был младший брат Георгия Николаевича, Павел.

Мария Михайловна Лебедева родилась 14 апреля 1880 года в поселке Корчева Тверской области, который был расположен около г. Кимры и сейчас затоплен созданным в советское время водохранилищем. Она была старшей и любимой дочерью Михаила Николаевича Лебедева –

титулярного советника, известного нотариуса г. Белева, отца 12 детей. Первый его брак с Елизаветой был бездетен, жена умерла рано. Вторым браком, где Мария Михайловна была первенцем, состоялся по любви – с умной и красивой Дарьей Николаевной Троицкой, которая скончалась вскоре после пятого родов. Похоронена она была в деревне Папино, на церковном кладбище.

Михаил Николаевич после смерти жены долго и сильно переживал. От предложения жениться на родной сестре Дарьи Николаевны отказался.

Его любимая дочь Мария в это время училась в Москве в Елизаветинском институте благородных девиц, инспектором которого был двоюродный брат отца, Михаил Михайлович Дмитриевский.

Третья жена Михаила Николаевича, Зинаида Ивановна Вашкова (мать еще семерых детей), наполовину полька, забрала Марию Михайловну из института, считая ее достаточно образованной для замужества. Отношения Зинаиды Ивановны с детьми мужа от его предыдущего брака были весьма сложными. Это привело к побегу из дома среднего брата Марии Михайловны, Владимира, которому было 13 лет. Когда же Михаил Николаевич захворал, Зинаида Ивановна отправила его к старшим детям (вместе со своими детьми) и Мария Михайловна ухаживала за отцом, братьями и сестрами.

Наиболее дружна Мария Михайловна была со своей сестрой (от третьего брака отца), Екатериной Михайловной Лебедевой-Вязьмитиновой, которая жила с мужем в Ленинграде. В 1970-х годах Екатерина Михайловна иногда приезжала в Москву к сестре, проживавшей у своего внука Михаила Михайловича Аксакова. Однажды она подарила правнучке Марии Михайловны, Татьяне, красивую плетеную корзиночку, чем сразу расположила к себе малолетнего ребенка, и в благодарность была расцелована, этак раз 20, что было зафиксировано на черно-белой киноплёнке тех лет.

Мария Михайловна Аксакова дружила с женой своего племянника Бориса, Татьяной Александровной Аксаковой (урожденной Сиверс), которая навещала «молодую вдовушку», отправляла к ней своего сына Диму и вела с ней переписку, о чем она упоминает в своих мемуарах.

По складу характера Мария Михайловна была человеком мягким и очень добрым. Любила букетики ромашек, окаймленные по кругу васильками. Красоту других цветов считала неестественной и холодной. Также как и мать Татьяны Александровны Аксаковой, умела располагать к себе окружающих. В совершенстве владела французским языком, немного слабее немецким. До сих пор о ней вспоминают с теплотой уже очень пожилые офицеры, бывшие военные переводчики, которые брали у нее уроки в далекие военные годы.

Со своим будущим мужем Мария Михайловна познакомилась на пароходе, на котором они с отцом плыли в Калугу по р. Оке. Георгий Николаевич Аксаков, направлялся на охоту. Был он одет в охотничий костюм с ружьем и полагающейся на этот случай амуницией. Симпатичная 18-тилетняя девушка сразу привлекла его внимание, было это в 1898 году. Однако, властная мать Георгия Николаевича Юлия

Владимировна долго не давала своего согласия на брак, веря в семейное предание, в соответствии с которым имя Мария приносило роду Аксаковых несчастье. Поэтому свадьба состоялась лишь через два года.

Изредка, делясь воспоминаниями с родными, Мария Михайловна отмечала особенности аксаковских манер и рассказывала, как ее муж весьма эмоционально реагировал на любую несправедливость, а за невежливое обращение с дамой мог запросто перейти от устного замечания к физическому воздействию по физиономии обидчика.

Георгий Николаевич Аксаков умер внезапно, 1 июня 1914 года от сердечного приступа на станции Сухиничи и был погребен на приходском кладбище Казанской церкви села Кипети Козельского уезда Калужской губернии. Церковь и кладбище не сохранились. На их месте, на краю села, в 2004 году мы обнаружили лишь ровную площадку, поросшую бурьяном, среди которого просматривались контуры каменного фундамента разрушенной церкви.

У Георгия Николаевича и Марии Михайловны был единственный сын Михаил, который родился 28 июля 1903 года и к моменту смерти отца учился в гимназии в Белеве, проживая у родственников.

Смерть мужа потрясла Марию Михайловну, которая, видимо, отнесла постигшее ее несчастье к бытовавшему в роде преданию. Она перебралась в Козельск к своей подруге Екатерине Николаевне Сахаровой, которая жила с сестрой Евгенией Николаевной в двухэтажном доме, расположенном на улице Сенина, 37. Из окон дома открывался прекрасный вид на реку Жиздру, а за ней вдали виднелись золотые купола Оптиной Пустыни. Обе сестры были учительницами, они выделили Марии Михайловне отдельную комнату, платы за которую не брали.

Монастырь в Козельске, который, как и Оптину Пустынь, любила посещать Мария Михайловна Аксакова. 25 апреля 1921 года. Козельск. Калужская

Больше года провела Мария Михайловна в добровольном заточении, не выходя из дома. Потом часто посещала монастырь – Оптину Пустынь и даже довольно долго там проживала. На жизнь Мария Михайловна зарабатывала, давая частные уроки французского и немецкого языков.

После войны 1941–1945 гг. жила в семье своего брата Бориса Михайловича Лебедева, в Подмоскovie, а затем осуществилась ее мечта, в 1963 году ее принял внук Михаил Михайлович Аксаков, получивший отдельную квартиру в Москве. Михаил Михайлович и его жена, Людмила Ивановна, ухаживали за Марией Михайловной до самой смерти в 1966 году.

Похоронена Мария Михайловна Аксакова на Котляковском кладбище г. Москвы вместе с женой расстрелянного сына, Аксаковой Юлией Гавриловной.

Павел Николаевич Аксаков

Самую удачную служебную карьеру из детей Николая Васильевича Аксакова сделал младший сын Павел. Он родился 25 апреля 1875 года, крещен 27 апреля 1875 года в Жиздринском соборе.

С раннего детства ему прививали любовь к вере, царю и отечеству. Именно эти основы воспитания не позволили ему принять от Временного правительства, а затем и от А.В. Колчака генеральское звание, они же не позволили ему остаться в послереволюционной России.

В Калужском архиве сохранился любопытные документы, позволяющие оценить отношение к монархии его самого и его сверстников еще в раннем возрасте, когда Павел учился в Калужском Реальном училище. В частности, протокол допроса всех 14-ти учеников 1-го класса, произведенный 31 января 1887 года, по поводу оскорбления учеником Ясионовским портрета Государя Императора.

Скандал вышел за рамки учебного заведения, а его суть была изложена в донесении Попечителю Московского Учебного Округа.

«Считаю своим долгом донести Вашему Сиятельству о проступке ученика 1 класса Ясионовского. Проступке совершенно ничтожном, не подлежащем даже более серьезному взысканию, но, по несчастному стечению обстоятельств, подавшему повод, некоторым ученикам по их неразумению, возвести его на степень преступления. [...]

Ученик 1 класса Аксаков, получивший от матери в подарок несколько денег, идя в класс, купил у разносчика портреты Их Императорских Величеств, Государя и Государыни. Во время второй десятиминутной перемены, по просьбе ученика Абрамова, Аксаков показал всему классу портрет Государя, причем Ясионовский произнес: *«какая там сидит свинья»*. Момент произнесения слов остался невыясненным: обвиняемый и часть товарищей утверждают, что слова произнесены до показания портрета и к нему не относились, другие же товарищи говорят, что слова сказаны после показания портрета. [...]

Показания учеников были записаны и прочтены в Педагогическом Совете [...] Члены Совета пришли к единогласному заключению, что слова Ясионовского относились не к портрету Государя, а к картинке, которую он не рассмотрел. А потому поступок не есть преступление, а простая неуместная и общественная выходка. Но так как Ясионовский своим поступком компрометировал себя пред всем заведением и возбудил против себя своих товарищей, то Педагогический Совет признал невозможным дальнейшее пребывание его в училище и постановил уволить по п. 17 правил о взысканиях 4 мая 1874 года, т. е. с правом поступления в другие учебные заведения в том же городе».

Следующий документ также подтверждает, что поведению учащихся уделялось не меньше внимания, чем их успеваемости по предметам.

«Г-ну директору Калужского реального училища Надворный Советник Николай Васильевич Аксаков обратился ко мне с прошением об определении сына его, бывшего ученика 1-го класса Калужского реального училища, Павла Аксакова в 1-й класс вверенного мне Московского реального училища. Так как в представленном г. Аксаковым свидетельстве, выданном из Калужского реального училища 2 марта сего года за № 126, значится, что вышеозначенный сын его Павел Аксаков был поведения хорошего и не имеется сведений об его успехах в науках за 1-ю и 3-ю четверти текущего 1886/87 учебного года, то вследствие чего я имею честь покорнейше просить Ваше Высокородие сообщить мне в возможной скорости, о том, во 1-х, по какой именно причине Павел Аксаков аттестован был по поведению отметкою не отличною (5), а хорошею (4) и во 2-х, какие успехи по каждому предмету оказал он за 1-ю и 3-ю четверти текущего 1886/87 учебного года. Директор А. Кривоносов».

Полученный ответ удовлетворил директора Московского реального училища, и Павел продолжил учебу уже в нем. *«Г-ну Директору Московского реального училища (исх. №136 9 марта 1887 г.) (черновик отпуска). Вследствие отношения Вашего Высокородия от 6 марта за № 131 имею честь уведомить, что бывшему ученику 1-го класса вверенного мне училища Павлу Аксакову сбавлен балл по поведению до 4 за школьные шалости, не выходящие за рамки обыкновенных. Сведения об успехах за 1 и 3 четверти текущего 1886/87 учебного года прилагаю на обороте сего».*

В отличие от старших братьев Павел Николаевич Аксаков окончил Ярославскую военную школу. 22 августа 1893 года он поступил на службу рядовым на правах вольноопределяющегося второго разряда в 125-й пехотный Курский полк, откуда через 5 дней был командирован в Чугуевское пехотное юнкерское училище. В марте 1894 года был переведен в 126-й пехотный Старооскольский полк, где прослужил около года, затем был направлен в 10-й пехотный Новоингерманландский полк. Через два года службы П.Н. Аксаков стал младшим унтер-офицером. А еще через два месяца (в августе 1895 года), был переименован в подпрапорщики «на собственное содержание», а потом – на казенное.

В ноябре 1897 года Павел Николаевич Аксаков получил офицерский чин подпоручика, штабс-капитаном стал через 8 лет.

Павел Николаевич Аксаков исполнял должность адъютанта батальона, командовал ротами. В этом качестве принял участие в Русско-японской войне. С июня 1904 года по октябрь 1905 года находился в составе Манчжурской действующей армии, участвовал в Ляоянском сражении, заболел тифом и в августе 1904 года был эвакуирован в Харбинский госпиталь.

Храбрость офицера была отмечена двумя наградами: орденом Святой Анны третьей степени с мечами и бантом (29 января 1906 г.) и орденом Святого Станислава третьей степени, так же с мечами и бантом (8 октября 1905 г.).

По возвращении с театра военных действий П.Н. Аксаков был прикомандирован к штабу III пехотной дивизии «для письменных занятий». Но штабная служба продолжалась немногим более года, после чего он вернулся в строевую часть, где вновь командовал ротами.

Павел Николаевич, как и его старший брат, Владимир Николаевич, с первых дней участвовал в Первой мировой войне. 28 июля 1914 года он выступил с полком в военный поход, с 12 августа 1914 года находился на территории Австро-Венгрии, принимал участие в боевых действиях. В октябре 1914 года был ранен пулей в левую голень с повреждением нервов и переломом малой берцовой кости.

Полк, последним командиром которого был Павел Николаевич Аксаков.
Иллюстрация из книги А.А. Пирожникова «История 10-го пехотного
Новоингерманландского полка», изданной в Туле в 1913 году. Собрание
Калужского областного краеведческого музея. Калуга. Россия

Чтобы оправиться от ранения, ему потребовалось значительное время. Осенью 1915 года он был назначен командиром роты на необременительную службу в распоряжение начальника 3-й московской школы для подготовки офицеров в военное время. Только в конце 1916 года он вернулся в полк и стал командиром батальона, в феврале 1917 года был выделен на формирование 621-го (впоследствии Немировского) пехотного полка.

В боях с противником Павел Николаевич Аксаков был награжден тремя орденами: Святой Анны четвертой степени с надписью «За храбрость» (16 февраля 1915 г.; за отличия в боях с австрийцами в августе 1914 г.); Святой Анны второй степени с мечами (23 апреля 1915 г., утвержден 6 июля 1916 г.); Святого Владимира четвертой степени (6 декабря 1916 г.), а также пожалован мечами к полученному ранее, 5 февраля 1913 года, ордену Святого Станислава второй степени (18 июня 1916 г.; за отличия в боях в декабре 1915 г.).

Пик военной карьеры Павла Николаевича Аксакова пришелся на 1917 год. В апреле он был переведен на службу в 10-й пехотный Новоингерманландский полк, где сначала командовал батальонами, затем являлся начальником хозяйственной части, помощником командира и наблюдающим за пулеметными командами. Интенсивные служебные перемещения предпринимались с целью получения практики по управлению различными службами и подразделениями полка.

В июле 1917 года П.Н. Аксакову было присвоено звание полковника, а 29 сентября 1917 года⁹⁴ он был назначен командиром 10-го пехотного Новоингерманландского полка.

В служебной характеристике, данной Павлу Николаевичу Аксакову предыдущим командиром 10-го пехотного Новоингерманландского полка полковником Кузнецовым, отмечалось: «Службу знает отлично, дисциплинирован, исполнитель, обладает сильной волей, пользуется авторитетом среди офицеров и солдат. За время текущей войны показал себя вполне подготовленным к боевой деятельности. Распорядителем, храбр, самоотвержен. Сам физически здоров, несмотря на полученную в бою 9/X/1914 г. рану в левую ногу – подвижен. Умственно развит отлично. Военным делом интересуется и следит за литературой. Вполне ознакомлен, как в боевом, строевом и хозяйственном отношениях по управлению полком. Нравственных качеств отличных. Вообще отличный штаб-офицер и вполне достоин для назначения на должность командира полка вне очереди».

Женился Павел Николаевич Аксаков на Аде Федоровне Богачевой, дочери личного почетного гражданина г. Гдова Федора Алексеевича Богачева. Невеста была моложе жениха на 10 лет (родилась 16 февраля 1885 года), венчание прошло в Калуге 1 июня 1903 года.

У них было двое детей – сын Игорь, родившийся в Москве 25 февраля 1904 года и, названная в честь матери, дочь Ада, родившаяся в Туле 12 февраля 1907 года. Их судьбы описаны в III Главе, «Аксаковы в Эмиграции».

Аксаковы:

Ольга Николаевна, Александра Николаевна, Антонина Николаевна

О дочерях Николая Васильевича Аксакова сведений сохранилось гораздо меньше, чем о сыновьях. Старшая из них, Ольга Николаевна, родилась 1 января 1865 года в Калуге. Замуж она не вышла, была религиозна, много времени и сил отдавала церкви, являлась старостой прихода Божьей матери Одигитрии Смоленской города Калуги. Оказывала на сына Татьяны Александровны, Диму, церковное влияние.

Вторая дочь, Александра Николаевна, была моложе на год, родилась 20 марта 1866 года в Калуге. Как и сестра, замуж не вышла, посвятила себя народному образованию, была учительницей начальных классов, жила в Калуге, одновременно исполняла обязанности акушерки.

О третьей дочери Антонине известно не больше. Она родилась 19 августа 1870 года в Калуге, крещена в церкви Божьей матери Одигитрии Смоленской города Калуги, но в отличие от сестер была замужем. Ее избранником стал мещанин города Медыни Михаил Дмитриевич Виноградов. Свадьба состоялась в Калуге 12 ноября 1900 года, невесте и жениху было по 30 лет. Первенца, который родился 13 августа 1901 года, назвали Николаем.

Борис Сергеевич Аксаков

В начале XX века началась служебная деятельность следующего поколения калужско-московской ветви рода Аксаковых. Прежде всего, это относится к детям старших сыновей Николая Васильевича Аксакова. Его младшие внуки были еще детьми.

Старшим внуком в генеалогическом отношении и по возрасту был Борис Сергеевич Аксаков, который родился 10 августа 1886 года. Он оказался моложе своего дяди Павла Николаевича всего на 11 лет.

Продолжая семейную традицию, он избрал военную карьеру, окончив в 1905 году II кадетский корпус, а в 1908 году – Павловское военное училище, по I разряду и I категории соответственно. По окончании курса Борис Сергеевич Аксаков был произведен в подпоручики и направлен в Лейб-гвардии Московский полк, где командовал ротой и состоял помощником начальника команды разведчиков. В августе 1912 года находился в составе войск, участвовавших в праздничных торжествах по случаю 100-летия Отечественной войны 1812 года.

В декабре 1912 года Борис Сергеевич Аксаков получил очередной

чин поручика. Однако военная карьера его интересовала мало. Отец был недоволен прохладным отношением сына к службе, считая, что с его «умом и способностями» «надо было идти в Академию, а он попал в кутящую компанию, наделал долгов».

Боря Аксаков (7 лет, 3 месяца, 20 дней).
Калуга. 1894 год. Личное собрание А.В.
Антошко. Москва. Россия.

В октябре 1913 года Борис Сергеевич Аксаков был зачислен в запас Гвардейской пехоты, а позднее назначен земским начальником 2-го участка Тарусского уезда Калужской губернии. На этом посту он прослужил недолго. С началом Первой мировой войны его мобилизовали, зачислили в 56-й пехотный запасной батальон (впоследствии полк) в военно-санитарный тыловой № 39 поезд и

назначили начальником Орловского распорядительного пункта. В его обязанности входило сопровождение эшелонов с эвакуированными нижними чинами и с пополнением.

В отличие от дядьев, которые женились на девицах из родов, выслуживших дворянство по гражданской или военной службе, Борис Сергеевич Аксаков заключил удачный в генеалогическом и социальном отношении брак. 26 января 1914 года он обвенчался с Татьяной Александровной Сиверс, происходившей из древнего прибалтийского рода, одна ветвь которого была в XVIII веке возведена в графское достоинство. Ее отцом являлся известный генеалог, в 1940–1950-е годы заведующий отделом нумизматики Государственного исторического музея Александр Александрович Сиверс (1866–1954 гг.), в то время занимавший видный пост в Министерстве Императорского Двора и имевший придворное звание камергера, которое зять неизменно указывал в своих формулярных списках. Невеста была хорошо образована, окончила широко известную гимназию С.А. Арсеньевой в Москве, а в 1910–1913 годы училась в Строгановском училище.

В калужском дворянском обществе семья Аксаковых была известна вспыльчивым характером. Этот вопрос обсуждался и при замужестве Татьяны Александровны Сиверс. Когда жених приехал к ее матери свататься, та прямо спросила: *«Борис! Простите, что я затрагиваю этот вопрос, но Вы знаете, какой славой пользуется во всей округе «аксаковский характер». Я боюсь, что Вы его унаследовали».* Полученный, самокритичный ответ вполне удовлетворил будущую тещу:

«Я сам так много от него пострадал, что гарантирован от повторения ошибок моего отца!»

Татьяна Александровна Сиверс и Борис Сергеевич Аксаков. Москва, октябрь 1913 года. Личное собрание Н.К. Телетовой. Санкт-Петербург. Россия.

Венчание состоялось в Москве, в церкви Бориса и Глеба «что у Арбатских ворот». Торжество прошло с большим размахом. Татьяна Александровна подробно описала его, посвятив отдельную главу воспоминаний. *«Все пространство от Удельного дома (где жила Т.А. Сиверс – А.К.) до церкви было запружено экипажами и автомобилями. Съезд был очень большой, и церковь была*

переполнена». После свадьбы новобрачные уехали в экзотическое путешествие в Египет.

Однако в реальности ситуация оказалась сложнее. Татьяна Александровна Аксакова перечисляла много сложных черт в характере мужа – жестокость, раздражительность, «деланную любезность» в общении с посторонними, дерзкий тон с людьми, которые не нравились, что приводило к напряженной психологической атмосфере.

Под Калугой, в имении Чебышевых «Аладино». 1914 год. Стоят слева направо: Нина, Вера, Н, Ксения, Борис, Татьяна Аксаковы, кн. В.А. Вяземский и мама Татьяны, Александра Гастонова. Сидят слева направо: Александра Петровна Эшен (ур. Чебышева), Гастон Александрович Эшен. Личное собрание Е.Д. Аксаковой (внучки Бориса Сергеевича и Татьяны Александровны Аксаковых). Ницца, Франция.

В конечном счете, Татьяна Александровна определяла их отношения как «психоконфликт».

Однако в их жизни случались и приятные события. 24 июля 1915 года у Бориса и Татьяны родился сын Дмитрий, которому довелось в первые годы жить в Московском Кремле, на территории которого в древности находились имения их знатных предков. В 1916 году Борис Сергеевич Аксаков командовал образцовой ротой охраны Московского Кремля, где вместе с семьей проживал в казенной квартире.

В июне 1916 года он был награжден орденом Св. Станислава третьей степени, а в день рождения Татьяны Александровны 12 октября их навестили знатные гости. Именинница так описывает этот случай – *«автомобиль с императорским штандартом остановился у подъезда офицерского флигеля Кремлевских казарм. Из него вышли великий князь, Наталья Сергеевна с подарком в руках (это была вышитая чайная скатерть), мама, Вяземский и Николай Николаевич Джонсон. Наша квартира огласилась смехом и приветствиями в мою честь. Михаил Александрович подхватил на руки Димку, стал подбрасывать его к потолку, Димка радостно визжал, в коридоре толпились ошеломленные этим зрелищем солдаты, а я поила всех чаем».*

В апреле 1917 года Борис Сергеевич Аксаков убыл в действующую армию, в штаб 26-го армейского корпуса, а его семья уехала в Калужскую губернию. Их судьба складывалась непросто. В декабре 1917 года его жена вместе с маленьким сыном Димой была выслана из имения Попелево и переехала в Козельск. В 1918–1919 годах Татьяна Александровна Аксакова работала делопроизводителем молочной фермы Козельского земотдела, откуда была уволена из-за дворянского происхождения.

В это время Борис находился в частях Добровольческой армии на юге России, куда убыл осенью 1918 года. Как пишет Татьяна Александровна – *«Иначе Борис поступить не мог и не должен был».* В период эвакуации армии из Новороссийска в 1920 году Борис Сергеевич Аксаков тяжело заболел тифом и не смог покинуть Россию. Его выходила сердобольная семья, после чего он вернулся в Калугу к жене и сыну. Татьяна Александровна в мемуарах приводит другую причину его возвращения домой и эти события описывает иначе.

Вместе с внучкой Льва Николаевича Толстого, Анной Ильиничной Толстой, Татьяна Александровна основала в Калуге артель женского рукоделия «Кустари», но нестабильная экономическая политика и непосильный налоговый гнет не позволили делу набрать обороты.

В 1923 году она вместе с сыном выехала в Германию к матери, но за границей не остались и вернулись в Россию. В 1926 году Татьяна Александровна, опасаясь за жизнь сына Димы и племянника Алека, вывезла их к матери во Францию.

Татьяна Александровна и ее сын Дима накануне отъезда во Францию вместе с племянником Аликом. Калуга 1926 год.

«В ту пору я не сомневалась в правильности принятого решения: перед мальчиками стояло неизбежное хождение по мукам, их надо было от этих мук избавить – и я одна могла это сделать». Т.А. Аксакова. Собрание Отдела рукописей Российской государственной библиотеки.

Ее муж, Борис Сергеевич Аксаков, после революции дважды арестовывался.

Первый раз это произошло весной 1918 года. Он был обвинен в спекуляции и нарушении Декрета о запрете на продажу золота в слитках. Татьяна Александровна это описывает следующим образом. Очень богатый сибирский золотопромышленник Лапин, находясь у Владимира Михалкова (отца поэта Сергея Михалкова), где встретил Бориса Сергеевича Аксакова, попросил последнего найти покупателя на слиток золота. Найденный через знакомых покупатель оказался подставным сотрудником Чека. Поскольку сделка происходила хотя и в отсутствие Бориса Сергеевича, но на его квартире, он был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. В дело вмешался известный московский адвокат Якулов, под его поручительство арестованного до суда выпустили из тюрьмы. Суд состоялся в августе 1918 года, Борис Сергеевич Аксаков был оправдан, дело прекращено.

Впоследствии Борис Сергеевич Аксаков служил в различных учреждениях. В 1923 году, например, на Сызранско-Вяземской железной дороге. В конце 1920-х годов работал в Москве, а на выходные приезжал

в Калугу к жене. В то время он познакомился с Лидией Дмитриевной Некрасовой, врачом-невропатологом, с которой впоследствии у него сложились близкие отношения. Старшая сестра Лидии была замужем за Александром Ветлицем, с которым Борис Сергеевич Аксаков сдружился, находясь в армии А.И. Деникина, и о котором он рассказывал его жене и ее сестрам.

1926 год. Калуга. Ученики музыкальной школы и преподаватель О.Н. Юртаева провожают Диму (в матроске) в далекую Францию. Собрание сектора генеалогии государственного музея А.С. Пушкина.

В 1928 году Аксаковы переехали в Ленинград, но Борис Сергеевич не смог найти подходящего места и, «так как политическая обстановка отнюдь не разряжалась», подписал трехлетний контракт и уехал в Казахстан, в Кызыл-Орду, где занимался сельскохозяйственным снабжением республики. Он часто писал жене и высылал деньги.

Дмитрий Аксаков (справа) и Александр Сиверс в Берлине.
Весна 1926 года. Собрание сектора генеалогии
государственного музея А.С. Пушкина.

Весной 1930 года Б.С. Аксакова арестовали во второй раз по обвинению в срыве посевной кампании в Казахстане. Однако арест оказался недолгим, он сумел доказать следствию, что не несет ответственности по предъявленному обвинению. Его выпустили, и он продолжил занимать прежнюю должность.

В 1931 году после статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» репрессии в отношении крестьян на время ослабли, но началась очередная кампания по чистке советских учреждений от «социально чуждых элементов», главным основанием служило происхождение. Был уволен и Борис Сергеевич, который в начале лета 1931 года вернулся в Ленинград, где устроился на должность экономиста.

В 1932 году семья Аксаковых попала в поле зрения органов государственной безопасности. Причиной послужил младший брат Бориса, Сергей Сергеевич Аксаков. Видимо, именно в то время он стал активно разрабатываться органами государственной безопасности в связи с его активным участием в Белом движении, антисоветской деятельностью и регулярными нелегальными проникновениями в СССР.

Татьяна Александровна Аксакова была вызвана в «Большой дом» на Шпалерную улицу, где допрошена о контактах с братом мужа. Особенно интересовала органы безопасности встреча Татьяны Александровны с Сергеем Сергеевичем, произошедшая в 1926 году в Париже, а также

содержание их разговоров. В мемуарах она писала: *«Я сказала, что он расспрашивал меня о жизни в СССР (что было вполне естественно) и что я отвечала на его вопросы в общих чертах – никаких сведений, выходящих за круг обывательских, я не давала и не могла давать, так как ими не обладала».* Однако, как верно, заметила Т.А. Аксакова, она *«была взята на заметку».*

Ли́дия Дми́триевна Не́красова (в первом браке Кожевникова), вторая жена Б.С. Аксакова.
Личное собрание В.И. Рожкова.
Москва. Россия.

В начале 1930-х годов отношения между Борисом Сергеевичем и Татьяной Александровной испортились, стали формальными. Летом 1933 года в Ленинград приехала Ли́дия Дми́триевна Не́красова, и было решено, что Борис и

Татьяна вскоре оформят развод.

Осенью 1933 года произошел раздел имущества, и Борис Сергеевич Аксаков уехал в Москву. Оставшись без материальной поддержки, Т.А. Аксакова впервые в жизни устроилась на службу, как она писала в воспоминаниях, *«с половины зимы 1933–1934 гг. стала совслужащей»*. Ее приняли на должность статистика в V пункт охраны материнства и младенчества, где, по ее ироническому замечанию, *она «до 4 часов терпеливо регистрировала новорожденных Эрастов (один раз даже попался Эверест!), Эльвир и Нинелей»*. В анкете, заполненной при ее аресте в феврале 1935 года, указано, что Татьяна Александровна Аксакова работала медицинской сестрой Санитарного бюро при Больнице имени Софьи Перовской.

Развод помог Борису Сергеевичу Аксакову избежать ареста и высылки в 1935 году, поскольку репрессии носили территориальный, локальный характер, касаясь преимущественно жителей Ленинграда. В 1938 году (6 октября) он женился на Лидии Дмитриевне Некрасовой, и прожил с ней до самой смерти.

В последующие годы работал экономистом в различных учреждениях, в 1935 году – заведовал плановым сектором Московского мукомольного треста, в последние годы жизни – в Министерстве пищевкусовой промышленности.

Умер Борис Сергеевич Аксаков 3 марта 1954 года от рака желудка и похоронен на Пятницком кладбище Москвы.

Вторая жена пережила его на 34 года, умерла в Москве 22 июля 1988 года и похоронена вместе с Борисом Сергеевичем.

У ее родственников хранится кольцо-шевальера с гербом рода Аксаковых, на внутренней стороне которого, нанесены памятные Борису Сергеевичу даты: эвакуации из Новороссийска, двух выездов жены и сына за границу и развода. У них же, помимо личных вещей Б.С. Аксакова, хранится медальон с изображением русского офицера в мундире времен Екатерины Великой, которым Борис Сергеевич очень дорожил (вероятно, портрет его прадеда, Василия Николаевича Аксакова, награжденного в 1795 году указом императрицы чином подпоручика).

Судьба Татьяны Александровны Аксаковой (урожденной Сиверс), жены Бориса Сергеевича Аксакова.

*«Но Ахматовой вещие строки
Накаляют мой дух до – бела
Оттого, что и я в эти сроки
Со страной в неизвестность плыла»*

Т.А. Аксакова (Сиверс)

Официальный развод между Татьяной Александровной и Борисом Сергеевичем Аксаковыми был оформлен в сентябре 1934 года. Татьяна Александровна оставила фамилию мужа. Вскоре она собиралась выйти замуж за князя Владимира Сергеевича Львова, родного племянника бывшего председателя Совета Министров Временного правительства Г.Е. Львова (март–июль 1917 года). Однако оформить брак они не успели.

Бытовое убийство С.М. Кирова в Ленинграде было использовано в политических целях. Начались массовые репрессии против дворянства. 11 февраля 1935 года Татьяна Александровна была вызвана в местное Управление НКВД. За несколько дней до этого события, 2 февраля 1935 года, арестовали трех братьев Львовых – Юрия Сергеевича, Владимира Сергеевича и Сергея Сергеевича. Предчувствуя последствия вызова, Т.А. Аксакова сделала распоряжения относительно имущества. Во время допроса ее арестовали.

Вопрос об аресте, как ей показалось, решался в момент допроса. В воспоминаниях Татьяна Александровна писала, что, уходя с протоколом допроса к начальству, следователь сказал, что она еще успеет на работу в вечернюю смену, но, вернувшись, был уже *«менее любезным»*. Независимо от содержания протокола участь ее оказалась *«уже предрешена»*.

В тот же день в ее квартире был произведен обыск. *«Книги лежали в беспорядке, из письменного стола исчезла вся переписка, многие альбомы и фотографии»*, – так описывала Татьяна Александровна его результаты.

Ей предъявили обвинение в соучастии в «шпионской деятельности» братьев Львовых, которое выразилось в выполнении их поручений при поездках за границу. Обвиняли также в том, что она была сестрой *«англо-разведчика и террориста»* Сергея Сергеевича Аксакова, хотя С.С. Аксаков был младшим братом Бориса, ее бывшего мужа. Ей инкриминировалась статья 58-6 Уголовного кодекса РСФСР.

«Поручениями князей Львовых» в материалах следствия называлась встреча с их сестрами Елизаветой, состоявшей в браке с С.К. Терещенко, и Еленой, которые выехали из советской России и проживали в Париже. Встреча состоялась по просьбе их родителей и имела своей целью взять памятные вещи умершего в 1925 году дяди, Г.Е. Львова (евангелие и очки), правда Юрий Сергеевич Львов на допросах утверждал, что эта встреча произошла «случайно».

Т.А. Аксакова была подвергнута допросу четыре раза: 11 февраля, 12 марта и 22 марта (дважды). По ее воспоминаниям допросы велись «вполне корректно». Отвечая на вопросы следователя, обвиняемая неоднократно умышленно искажала факты. Так, о месте службы мужа, Бориса Сергеевича Аксакова, на момент их бракосочетания она сказала, что тот являлся управляющим имениями князей Вяземских, хотя на самом деле – он в чине поручика служил в Лейб-гвардии Московском полку. Такая информация, видимо, казалась ей менее опасной.

На первом допросе от обвиняемой потребовали подробно рассказать свою биографию. Были затребованы сведения обо всех ближайших родственниках – отце, матери, муже, сыне и др. Особенно интересовало следователя, кто из родственников находится за границей и какие связи задержанная с ними поддерживает. Татьяна Александровна сообщила, что переписывается с теткой и сыном. Ее сын, Дмитрий Борисович Аксаков, также заинтересовал следствие: как он попал за границу, с кем из родственников ведет переписку. Таким образом, следователь пытался получить дополнительную компрометирующую информацию на других лиц. Однако Т. А. Аксакова отвечала, что сын ни с кем не переписывается.

Спрашивали ее и о родственниках, проживавших в СССР, о знакомых. Татьяна Александровна старалась очень осмотрительно отвечать на подобные вопросы. Из многочисленных знакомых она назвала только супругов Леонутовых, отметив, что те происходят *«из мещан»*, а также князей Львовых, отрицать знакомство с которыми, было нелепо.

Именно семья Львовых особенно интересовала следствие. В воспоминаниях несколько иначе, чем в протоколе допроса, передан фрагмент диалога о них со следователем. В протоколе зафиксировано, что в ответ на требование перечислить знакомых Т.А. Аксакова назвала трех братьев Львовых: Юрия Сергеевича, Сергея Сергеевича и Владимира Сергеевича, а также их отца, мать и жену Сергея Сергеевича, Марию Александровну (урожденную Гудович).

В воспоминаниях сюжет изложен иначе. Желая получить дополнительную информацию о каких-либо лицах, следователь сначала спросил, кого из князей знает Татьяна Александровна. Она ответила, что *«в мое время «князья» не составляли какой-то особой касты. Они были рассеяны по всей массе моих знакомых, и перечислить их мне очень трудно»* и предложила сказать прямо, что следствие интересуют Львовы. К теме «князей» следователь вернулся еще раз в конце допроса, когда выяснял нахождение ее матери. Т.А. Аксакова признала, что мать замужем за князем Владимиром Алексеевичем Вяземским и что она скрывает этот факт, поскольку *«не хотела, чтобы Вы подумали, что я окружена князьями»*.

Далее следователь интересовался ее знакомствами в *«консульском мире»*. Она ответила, что непосредственных знакомых в указанной среде у нее нет, но ее тетку, бабу и деда Эшенов знает посол Франции в СССР Ш. Альфан. *«Лично Альфана я не видела никогда»*, – заявила она. Это, видимо, было связано еще и с тем, что Татьяна Александровна жила в Ленинграде, а Ш. Альфан – в Москве. Она с ним встретилась, когда после приговора в 1935 году следовала из Ленинграда к месту ссылки в Саратов через Москву.

Несколько вопросов было задано о брате бывшего мужа Сергее Сергеевиче Аксакове, о встрече с ним, о содержании их разговора. Все

это истолковывалось следствием, как установление «связи» со шпионом, хотя Т.А. Аксакова неоднократно подчеркивала, что беседа касалась исключительно семейных дел, и никаких поручений он ей не давал. Утверждение, что встреча с Сергеем Сергеевичем состоялась всего лишь один раз, не соответствовало действительности. В воспоминаниях упомянуто о трех встречах: на вокзале, в гостинице и во время последнего вечера в Париже, при отъезде. Эти факты могли быть истолкованы следствием как регулярные встречи, и Татьяна Александровна благоразумно о них не упомянула, отметив только последнюю из них.

Отдельно следователь интересовался взаимоотношениями семьи Львовых с Сергеем Сергеевичем Аксаковым. Положительный ответ мог подтвердить «шпионскую деятельность» князей Львовых. Т.А. Аксакова заявила, что «они его совершенно не знают и не подозревают о его существовании».

Это показание проверялось на допросах Львовых. На допросе 22 марта 1935 года Сергея Сергеевича Львова спрашивали, что рассказывала Татьяна Александровна Аксакова по возвращении из Франции, с кем там встречалась и о брате ее мужа. На все вопросы обвиняемый отвечал, что ничего не знает и не помнит.

Аналогичные вопросы в тот же день и с подобным результатом задавались Юрию Сергеевичу Львову.

Владимир Сергеевич Львов на допросе 12 февраля 1935 года также сказал, что о Сергее Сергеевиче Аксакове ничего не знает, но поскольку у него были самые близкие из братьев отношения с Татьяной Александровной, его особенно подробно расспрашивали об ее зарубежной поездке, ее встречах и ее родственниках. Этому была посвящена значительная часть его допроса и 22 марта 1935 года.

Встреча с Сергеем Сергеевичем Аксаковым интересовала следствие во многом формально. Поскольку Татьяна Александровна ранее уже рассказывала об этом и ничего нового сообщить не могла. Она сама отмечала, что сведения о зарубежных поездках, о Сергее Сергеевиче были «уже зафиксированы» в личном деле и «интереса не представляли».

Кроме встречи с С.С. Аксаковым следователя интересовали эмигранты, с которыми Татьяна Александровна общалась во Франции.

Допрос № 2. 12 марта 1935 г.

Следующий ее допрос произошел через месяц, 12 марта 1935 года. В очередной раз основное внимание снова уделялось встрече с Сергеем Сергеевичем Аксаковым и отношениям с князьями Львовыми. К этому времени следствие собрало определенную информацию, вопросы стали более конкретными. Следователя интересовало, откуда обвиняемая узнала о месте нахождения С.С. Аксакова, с кем из ее родственников тот общался, имели ли они переписку после 1926 года и т.п. В очередной раз задавались вопросы о встречах с «белоэмигрантами», которых было

названо гораздо больше, чем на первом допросе, в том числе – те, кого Татьяна Александровна видела в ресторане матери в Ницце.

На втором допросе она опрометчиво упомянула еще об одной встрече с С.С. Аксаковым на вокзале, забыв, видимо, что ранее утверждала, что видела его только один раз. Следователь на расхождении в показаниях внимания не обратил. Татьяна Александровна признала, что разговоры велись на политические темы, о жизни в СССР. С.С. Аксаков говорил, что не может примириться с Советской властью, из чего складывался образ вполне явного и последовательного антисоветчика.

Допрос № 3. 22 марта 1935 г.

Поскольку, новых тем не возникало, все вопросы вновь повторились и на третьем допросе 22 марта 1937 года. В основном, уточнялось то, что было уже известно: была ли Татьяна Александровна на квартире Сергея Сергеевича Аксакова, с какого года ее мать в браке с князем Владимиром Алексеевичем Вяземским, на какие средства она содержала ресторан и т.д. Следствие интересовало также, что рассказывал Сергей Сергеевич о планах эмигрантских организаций Франции по отношению к СССР и о своей деятельности, в частности. Подобный вопрос, видимо, диктовался стремлением доказать факт «вербовки» Т.А. Аксаковой. Однако она все отрицала. Тем не менее, было *«подтверждено»*, что Сергей Сергеевич *«непримиримый враг Советской власти»*. Подобные утверждения, конечно, вряд ли принадлежали самой Татьяне Александровне, их автором являлся следователь. Спрашивалось также о содержании разговоров с *«белоэмигрантами»*. Она ответила, что разговоры касались бытовых тем. Но при этом признала, что слышала о существовании за границей монархических группировок, одна из которых, ориентировалась на Великого князя Кирилла Владимировича, а другая – на Великого князя Николая Николаевича. Пришлось признать, что родственники отговаривали ее от возвращения в СССР, и что она думала об этом, тоскуя по сыну, но не могла бросить старого отца.

Признала Татьяна Александровна и поручения от сестер Львовых – сообщить родственникам, что они живы. Ее снова попросили указать знакомых в Ленинграде. Кроме упомянутого ранее Леонутова, она назвала нескольких сослуживцев по медицинскому пункту. Грубой попыткой получить компрометирующий материал на Владимира Сергеевича Львова стал вопрос, *не «подавал ли мысль к побегу за границу Львов Владимир»*, на который она, естественно, ответила отрицательно.

Допрос № 4. 22 марта 1935 г.

Последний, четвертый, допрос Татьяны Александровны состоялся в тот же день, 22 марта. Следователь спрашивал преимущественно о родственниках ее бывшего мужа – Аксаковых. Выяснял, кто из них находится за границей, где они служили, где проживают, имеют ли детей.

Задавался вопрос, кто такой Аксаков Михаил Григорьевич. Т.А. Аксакова сказала, что в детстве слышала о нем, но что он, возможно, является прямым потомком писателя Аксакова и с семьей бывшего мужа *«ничего общего не имел»*. Спрашивали ее о том, где родился Михаил Юрьевич Аксаков и его *«характерные приметы»*.

Целью следующих вопросов было собирание компрометирующего материала на ее бывшего мужа Бориса Сергеевича Аксакова. В связи с этим, логично выглядит один из них – по какому адресу в Москве тот живет, где служит, когда от него было получено последнее письмо. Одновременно выяснялось, кого именно знает Татьяна Александровна из жителей Москвы. Она опять назвала тех, кто, с ее точки зрения, был относительно *«благонадежен»* или с кем отрицать знакомство было бесполезно – одинокую старуху О.И. Храповицкую, отчима Николая Борисовича Шереметева и т.п.

Затем следователь спрашивал, кто такая Наталья Сергеевна. По всей видимости, это имя упоминалось в отобранной при обыске переписке. Татьяна Александровна ответила, что не знает. На самом деле это была вдова младшего брата последнего Российского императора Великого князя Михаила Александровича, Наталья Сергеевна Брасова, с которой давно поддерживала близкие отношения мать Т.А. Аксаковой, Александра Гастонова (урожденная Эшен).

На протоколе последнего допроса имеется пометка о хронологии. Он продолжался с 15 до 21 часа, т.е. 6 часов подряд.

У Татьяны Александровны Аксаковой сложилось ошибочное впечатление, что ее ни в чем не обвиняли, но производивший благоприятное впечатление следователь, оперуполномоченный особого отдела Ленинградского военного округа Семеняко четко выполнял политическое указание руководства. 26 марта 1935 года он вынес постановление, в котором изложил установленные факты.

Две поездки за границу, в ходе которых Т.А. Аксакова *«выполняла поручения»* от князей Львовых, встречи с *«белоэмигрантами»* и с матерью, княгиней Вяземской, которая содержит в Ницце ресторан, служащий *«местом сбора белоэмигрантов»* (так интерпретировались частные встречи со старыми знакомыми).

Особое значение придавалось Сергею Сергеевичу Аксакову. Отдельным абзацем в постановлении выделен факт их встречи, что трактовалось как *«поддержание связи»* с *«англо-разведчиком»*, который, находясь на территории Румынии, занимается *«переброской террористов на территорию СССР»*. Из постановления, однако, оставалось абсолютно не ясно, занимался ли Сергей Сергеевич Аксаков разведывательной деятельностью на момент встречи в Париже в 1926 году, но следователя это нисколько не смущало.

Тем не менее, обвинению собранных фактов оказалось недостаточно, чтобы считать контрреволюционную и шпионскую деятельность братьев Львовых и Татьяны Александровны Аксаковой доказанной. Однако, поскольку *«связь с эмигрантами»* была установлена, *то задержанные лица были признаны «социально*

опасными». Их следственное дело было передано в распоряжение оперативного штаба при начальнике Управления НКВД Ленинградской области для применения к «социально-чуждым людям» высылки из Ленинграда.

31 марта 1935 года Особое совещание при НКВД приговорило Татьяну Александровну Аксакову к высылке в Саратов сроком на 5 лет.

Т.А. Аксакова фигурировала в документе как «дочь княгини», хотя князь Владимир Алексеевич Вяземский был третьим мужем матери, и мать вышла за него замуж гораздо позже рождения дочери.

Владимир Сергеевич Львов, его братья и родители (всего 11 человек, в том числе трое детей) были высланы в Куйбышев.

Татьяна Александровна подробно описала в мемуарах процедуру высылки. С приговоренных лиц брали подписку о невыезде, выпускали из тюрьмы с указанием явиться на следующий день за дальнейшими указаниями. Утром следующего дня в канцелярии были объявлены приговоры и даны три дня на сборы.

Многие годы спустя, находясь в ссылке, она писала кузине своего бывшего мужа Наталье Павловне Потоцкой: *«19.02.1964 г. Вятские Поляны. Вчера получила два письма: твое и от Трубецких и оба взбудоражили мою душу [...] письмо Трубецких приложением неопубликованных стихов Анны Ахматовой, относящихся к периоду 1935-1940 гг. Стихи Ахматовой я перепечатаю и тебе пришлю. Они потрясающи. Ахматова описывает главным образом «очереди перед тюрьмой на Шпалерной». Это все описано и мною, но в другом плане. У нее несравненно сильнее и, как всегда, с оттенком мистики. У меня до известной степени «приглажено», буднично, у нее надрывно и предельно трагически».*

Жилплощадь ссыльных поступала в распоряжение Управления НКВД. Сосед Т.А. Аксаковой по коммунальной квартире, сотрудник НКВД, добился задержки высылки на один день и «в благодарность» занял ее комнату, которая была лучше его, а свою сдал государству. Ехать можно было за собственный счет, а неимущие следовали по этапу.

«Мы были ошеломлены, но в окружающей нас толпе говорили, что мы должны посчитать себя счастливыми», – писала Татьяна Александровна.

В ссылке Владимир Сергеевич Львов и Татьяна Александровна Аксакова предприняли попытку объединиться. В конце марта, за день до вынесения постановления, Татьяна Александровна обратилась к Е.П. Пешковой, руководителю общественной организации «Помощь политическим заключенным», с просьбой разрешить перевод Владимира Сергеевича Львова из Куйбышева в Саратов. Это заявление имело положительный результат. В апреле 1936 года Владимир Сергеевич Львов переехал в Саратов. Однако семья Львовых в очередной раз категорически возражала против предполагаемого брака. Прожив вместе около полугода, Владимир Сергеевич Львов и Татьяна Александровна Аксакова расстались. В мемуарах отмечена дата их последней встречи – 30 октября 1937 года, больше они никогда не виделись.

В Саратове Татьяна Александровна работала вышивальщицей и давала уроки французского языка. Чтобы получить возможность официального преподавания, она поступила на курсы повышения квалификации при Техникуме иностранных языков, хотя, блестяще владея французским языком, в этом не нуждалась. Числясь учащейся, сама вела на курсах групповые занятия.

Она постоянно оставалась в поле зрения органов НКВД. 2 ноября 1937 года был выписан ордер на производство в ее комнате обыска и арест, который был произведен в ночь на 3 ноября. При обыске изъяли *«вещественные доказательства»*: 14 фотографий, 7 негативов, более 600 листов переписки, 68 *«разных квитанций»*, 15 листов *«разных записей»* и тетрадь со стихами. Было изъято *«все, что было мне дорого»*, – отметила Татьяна Александровна Аксакова.

Она отчетливо понимала абсурдность мотива ее ареста. Только наполовину французским происхождением и открытой насмешкой над нелепостью всего происходящего можно объяснить ее поступок, когда при аресте, подписав протокол обыска, она поцеловала каждый из двух листов данного документа, оставив на них отпечатки красной губной помады, которые до сих пор сохранились в архиве Управления ФСБ России по Саратовской области.

Практически одновременно, по другому делу, арестовали Владимира Сергеевича Львова. Ему было предъявлено обвинение в том, что он занимался вредительством в фарфоровом цехе артели *«Электрик»* (саботировал меры противопожарной безопасности, нарушал финансовую дисциплину и т.д.), а также проводил антисоветскую деятельность среди рабочих фарфорового цеха, разлагал их, клеветал на конституцию СССР, срывал проведение общественно-политической работы и т.п. Особенно подчеркивалось, что поддерживал связь с находившимися в Саратове *«бывшими своими людьми, антисоветски настроенными Конопатов А.Д. и Аксакова Т.А.»*.

В 1958 году Татьяна Александровна Аксакова добилась справки о том, что Владимир Сергеевич Львов умер в заключение 20 ноября 1943 года от рака печени. Но, зная о секретном распоряжении не сообщать родственникам заключенных истинные причины и даты смерти, она не поверила полученным сведениям. *«Я бы предпочла, чтобы смерть «Львова В.С.» была мгновенной»*.

Судьба Владимира Сергеевича Львова осталась ей, по всей видимости, неизвестна. На самом деле, решением судебной тройки при Управлении НКВД по Саратовской области от 25 ноября 1937 года он был приговорен к расстрелу. Следствие по делу заняло меньше месяца. Такая же участь постигла двух его ранее упомянутых братьев Юрия и Сергея. (Их старший брат Евгений был расстрелян позже – в апреле 1942 года).

В 1937 году Т.А. Аксакова привлекалась вместе с высланными из Ленинграда в Саратов профессором Юрием Владимировичем Скобельцыным и его женой Скобельцыной Александрой Ивановной. Им, как и многим тысячам соотечественников, органы государственной

безопасности инкриминировали печально известную 58 статью Уголовного кодекса РСФСР. Непосредственным поводом для ареста послужило празднование Нового 1937 года. Татьяна Александровна была приглашена домой к Скобельцыным, где собралось 10–12 человек из числа высланной ленинградской интеллигенции. В материалах дела бытовое застолье фигурировало как *«преступное сборище»*. *«Подробности этого новогоднего вечера неизгладимо врезались в мою память, поскольку много раз я их излагала в устной и письменной форме на допросах в НКВД»*, – отмечала Татьяна Александровна Аксакова.

4 ноября она дала показания о своей биографии. Затем, почти месяц к следователю ее не вызывали. Только 27 ноября 1937 года ее допросили вторично, причем в деле сохранилось сразу три протокола, датированных одним днем. Такая длительность объяснялось тем, что допрос начался ночью, и, видимо, продолжался почти сутки. Как указывала Татьяна Александровна впоследствии, допросы велись *«в крайне грубой форме»*. Способы их ведения, которые применялись *«пользовавшимся дурной славой»* следователем Дудкиным, она подробно описала в мемуарах: *«По сравнению с другими, Дудкин был ко мне милостив: он заставил меня «думать», сидя на стуле, а не стоя на ногах до потери сознания; отправив в тюремный карцер «для размышления», продержал там не более часа и, бросив в меня мраморное пресс-папье, он, как мне кажется, нарочно промахнулся»*.

К супругам Скобельцыным следователь был не столь мягок. В жалобе Александры Ивановны Скобельцыной, поданной в январе 1940 года, указывалось, что на допросах к ней применялись методы физического воздействия. Татьяна Александровна характеризовала допрос знакомой как долгий и тяжелый. При *«проверке дела»* по жалобе заключенной в 1940 году подобные утверждения были названы *«клеветой на сотрудников органов государственной безопасности»*. В жалобах Юрия Владимировича Скобельцына указывалось, что его показания сфабрикованы работниками следствия и подписаны в результате *«применения незаконных приемов допроса»*.

Когда в конце 1940-х годов Т.А. Аксакова навещала Скобельцыных в Йошкар-Оле, где те жили после освобождения, Ю.В. Скобельцын показался ей *«каким-то связанным – он упорно избегал разговоров и воспоминаний о местах заключения»*. Причину такого отношения Татьяна Александровна поняла позже, когда прочитала протокол заседания Военного трибунала и узнала об обвинительных показаниях Скобельцыных против нее. *«Допускаю, что ему было не совсем приятно на меня смотреть»*, – отмечала она.

На первом допросе следователь вновь спрашивал Т.А. Аксакову о связи с заграницей и родственниках, на втором – о знакомствах среди административно высланных ленинградцев. Она назвала супругов Скобельцыных, Жузе и Орловых, а также В.М. Тьебо и рассказала, что они собирались на *«семейные вечера»*. На опасный вопрос о том, велись ли среди присутствовавших разговоры о политике, она ответила, что *«никаких разговоров на политические темы среди нас не велось»*. Тогда

следователь обвинил ее во лжи и сказал, что *«следствием точно установлено»*, что на *«сборищах»* велись антисоветские разговоры против мероприятий ВКП (б), но Татьяна Александровна твердо настаивала на отсутствии подобных бесед. Видимо, в тот момент и были применены меры, о которых сообщала Т.А. Аксакова в своих мемуарах.

Затем следователь изменил тактику допроса. Он спросил, велись ли *«антисоветские»* разговоры о ссылке в Саратов. На него Т.А. Аксакова ответила, что ссылка обсуждалась и высказывалась обида, что *«нас невинно выслали из Ленинграда»*, особенно резко об этом высказывался Ю.В. Скобельцын. Помимо этого, в протоколе было записано, что профессор Н.А. Орлов *«допускал клеветнические измышления по адресу научных учреждений и студенчества»*. Утверждал, что советские научные институты находятся на более низком уровне, чем до 1917 г., советская профессура *«не соответствует своему назначению»*, преподаватели – *«неучи»*, а студенты, с которыми *«невозможно работать»* – *«ослы»*. Кроме того, якобы *«подвергалась критике жизнь Саратова»*.

Провокационные намеки следователя о разговорах, дискредитировавших руководство ВКП (б) и Советскую власть, Татьяна Александровна категорически отрицала. Тогда Дудкин сослался на показания Н.А. Орлова о том, что высказывались не только *«антисоветские»*, но и террористические мысли против руководства ВКП (б) и Советского правительства, а также *«надежда»* на изменение образа правления. Татьяна Александровна назвала показания Н.А. Орлова ложью. Также категорически отвергла она и показания его жены В.И. Орловой о подобных разговорах.

Последний, третий допрос был кратким и состоял всего лишь из двух вопросов и ответов. Сначала следователь Дудкин потребовал подтвердить, что Т.А. Аксакова является участницей антисоветской группы, проводившей деятельность против Советской власти, что было отвергнуто. Тогда следователь обвинил ее во лжи и снова потребовал признать вышесказанное. Но она снова это отрицала.

Впоследствии Т.А. Аксакова приводила слова следователя Дудкина: *«Я знаю, что вы ничего не говорили, но вы должны были слышать антисоветские речи, находясь в обществе Орловых»*.

Следует отметить, что супруги Орловы в ходе следствия не допрашивались, поскольку к тому времени были уже расстреляны. Допрос Н.А. Орлова, на который ссылались следователи, состоялся 20 сентября 1937 года, еще до ареста Татьяны Александровны.

Тексты допросов передают содержание реальных разговоров следователя и Т.А. Аксаковой лишь примерно. В мемуарах же она приводила те фрагменты диалога, которые в протоколы не вошли, поскольку для следствия оказались неинтересными. Например, на вопрос о том, что происходило на вечере у Скобельцыных, Татьяна Александровна ответила, что она читала стихи, а следователь заявил, что его это *«совсем не интересует»*. В другой раз Дудкин попытался извлечь какую-то возможность для обвинений из службы ее сына Дмитрия

Борисовича Аксакова во французской армии. Он спросил, действительно ли тот занимает в ней высокий пост. Однако из очередной провокации следователя ничего не вышло, поскольку подследственная указала, что сыну только 21 год, и он не мог достичь генеральских чинов.

Тем не менее, в обвинительном заключении от 7 декабря 1937 года утверждалось, что следствием установлено: супруги Скобельцыны и Т.А. Аксакова *«являлись враждебно настроенными к ВКП (б) и Советской власти»*, и *«для совместной борьбы с соввластью вошли в состав антисоветской террористической группы»*, руководителем которой являлся Н.А. Орлов. Под его руководством Скобельцыны и Т.А. Аксакова устраивали *«частые сборища на квартирах»*, где вели *«антисоветскую и террористическую пропаганду против руководства ВКП (б) и Советского правительства, распространяли разного рода клеветнические измышления о, якобы, плохой жизни трудящихся страны»*. Кроме того, они говорили, что *«мероприятия партии и правительства о распространении госзаймов и развитии стахановского движения ведут трудящихся к каторжному труду и обнищанию страны»*, клеветали на советскую науку, специалистов и студенчество, *«оскорбляя их»*, и даже *«восхваляли Гитлера и фашизм»*. Татьяна Александровна конкретно обвинялась в том, что являлась участницей *«антисоветской террористической группы»* и вела антисоветскую террористическую пропаганду.

В заключении отмечалось, что Т.А. Аксакова виновной себя признала частично, но уличается показаниями Ю.В. Скобельцына и супругов Орловых. Никаких других доказательств в деле не было и в обвинительном заключении не приводилось. В списке лиц, подтвердивших ее *«антисоветскую деятельность»*, отсутствовала супруга Юрия Владимировича Скобельцына – Александра Ивановна. С другой стороны, показания Т.А. Аксаковой фигурировали как доказательства в обвинении Скобельцыных, что также не соответствовало действительности и даже тексту протоколов. Утверждение о признании Татьяны Александровны себя частично виновной, также ложно, подобного в протоколах допросов нет.

Приговор повторял текст фальсифицированного обвинительного заключения, согласно которому Т.А. Аксакова являлась участницей антисоветской группы, *«принимала активное участие на ее сборищах, где среди своего окружения проводила антисоветскую клеветническую агитацию, направленную на дискредитацию руководителей партии, советского правительства, путем распространения всевозможных провокационных и клеветнических измышлений о советской науке, госзаймах, развитии методов стахановского движения в стране и др. проводимых мероприятий партии и соввласти, что все это якобы ведет трудящихся к каторжному труду и обнищанию страны»*.

13 декабря Татьяну Александровну Аксакову вызвал в кабинет начальник Управления НКВД по Саратовской области Стромин, который сказал, что ни поездки за границу в 1923 и 1926 годах, ни переписка с родственниками в вину поставлены быть не могут.

Однако 24 декабря 1937 года судебная тройка при Управлении НКВД по Саратовской области приговорила ее к 8 годам концлагерей.

Сообщили ей о приговоре только через полгода, в годовщину рождения вождя мирового пролетариата 22 апреля 1938 года. Задержка была вызвана тем, что для размещения заключенных в СССР не хватало исправительно-трудовых лагерей, и они строились в течение зимы 1937–1938 гг. Объявление приговора в тюремной канцелярии показалось Татьяне Александровне и другим заключенным *«какой-то нелепой шуткой»*, в которую *«никто не верил»*. При этом не сообщалось, по какой статье она осуждена, что вызвало недоверие даже у лагерного начальства. Когда по прибытии к месту отбытия наказания у заключенных спросили, по какой статье они осуждены, а те ответили, что у них *«нет статьи»*, то *«начальники... приняли истинный факт за насмешку»*.

Несмотря на приговор, Т.А. Аксакова не могла согласиться с абсурдными обвинениями и вскоре начала трудную и длительную борьбу за пересмотр несправедливого решения.

В январе 1939 года она обратилась в Президиум Верховного Совета СССР с жалобой на ошибочное осуждение и просила пересмотреть дело. В ней единственным поводом ареста назывался факт высылки из Ленинграда в 1935 году, вина полностью отрицалась. Жалобы на решение судебной тройки подали также супруги Скобельцыны. Дело пересматривалось органами НКВД и Прокуратурой по спецделам Саратовской области, однако во всех ходатайствах об отмене решения тройки было отказано. Существование *«антисоветской террористической организации»* в Саратове в 1937 году признавалось доказанным, хотя основывалось только на показаниях расстрелянных супругов Орловых.

Данная практика построения обвинений на основе выбитых показаний у заключенных, которых потом наспех расстреливали, широко применялась в те годы в стране. И даже при дальнейшем описании судеб представителей рода Аксаковых мы еще не раз столкнемся с применением этой порочной нечеловеческой практики.

Свой срок Т.А. Аксакова отбывала в Устьвымлаге в Коми АССР. Исправительно-трудовой лагерь, который располагался около Локчима, притока реки Вычегды,

Татьяна Александровна описывала так: *«Зона лагпункта в августе 1938 года представляла собой небольшой кусочек, отгороженный колючей проволокой и пересеченный бурлящим ручьем, на берегу которого стояла баня и три жилых барака с нарами»*. Состав заключенных был разнообразен: врачи, священники, жены крупных партийных работников, немцы Поволжья, кавказцы.

Татьяна Александровна воспользовалась тем, что до ареста работала в медицинском учреждении, и устроилась сестрой в санчасть. В деле сохранилась справка, данная администрацией лагеря. В ней отмечалось, что Т.А. Аксакова *«работает удовлетворительно. Ничем себя не проявила»* и что поведение ее *«хорошее»*. Отмечалось также, что она используется в качестве уборщицы.

В июле 1943 года Татьяна Александровна Аксакова была досрочно освобождена по болезни, которой она заболела в заключении, и как отбывшая больше половины срока. Поскольку для поселения ей разрешались только Сибирь и Кавказ, она избрала для жительства поселок Вятские Поляны Кировской области, который впоследствии получил статус областного города. Т.А. Аксакову пригласила туда ее знакомая Колесникова, также бывшая заключенная, освободившаяся ранее. В Вятские Поляны Татьяна Александровна прибыла 25 августа 1943 года.

Татьяна Александровна (крайняя слева) с коллегами в операционной районной больницы в Вятских Полянах. 1947 год. Личное собрание М.И. Сабса. Ижевск. Россия.

«Во время моего прибытия город представлял собой одну бесконечно длинную улицу Ленина с небольшими от нее ответвлениями. [...] Главная улица была частично вымощена камнем, но ее «ответвления» весной и осенью превращались в засасывающие болота», – вспоминала она.

Знания и квалификация Т.А. Аксаковой оказались востребованы в далеком сибирском городке. Она устроилась работать в районную больницу сначала сестрой инфекционного отделения, затем перешла на должность медицинского статистика, одновременно исполняла обязанности анестезиолога в хирургическом отделении, а в виде общественной нагрузки заведовала медицинской библиотекой.

Одновременно, с ноября 1943 года она преподавала иностранный язык в Школе рабочей молодежи, а также вела кружок английского языка в Доме техники военного завода, выпускавшего известные во время второй мировой войны пистолеты-пулеметы Шпагина. Кстати, в то же время в Вятских Полянах проживал с семьей и конструктор ППШ, дочери которого также были учениками Татьяны Александровны. В ноябре 1946 года Т.А. Аксакова была награждена медалью *«За доблестный труд в Великой Отечественной войне»* (удостоверение № 0299407).

Она явно выделалась среди жителей города и обращала на себя внимание.

В городе циркулировало немало слухов о ее прошлом. Классическое образование, незаурядные познания, широта взглядов, глубокая внутренняя культура требовали реализации в любых условиях. И проявлялись они так, как могли проявиться в условиях маленького сибирского города. Татьяна Александровна писала стихи, которые давала читать друзьям, изредка публиковала в стенгазете. В то время среди молодежи пользовалась популярностью отрывки из некоторых ее шуточных стишков.

Всем известно с давних лет

Вятская хватка.

Завоевывает свет

Мотороллер «Вятка».

С ним выходят на стадион

Вятские ребята

И не верится, что он

«Весной» был когда-то.

Вятские Поляны, 1953 г.

Т.А. Аксакова в силу своего кругозора реагировала на любые новости и события в культурной и политической жизни страны, давая точные и порой резкие оценки происходящему. Ранее, в 1937 г., понимая напускную помпезность грандиозных мероприятий, проводимых в стране, по случаю 100-летней годовщины гибели А.С. Пушкина, свое мнение о происходящем она изложила в стихотворной форме.

«Внимают все нации мира»

Внимают все нации мира,

Как два десятилетия сплошь

По радиоволнам эфира

Несется советская ложь.

С верхушки стальной Коминтерна

Тирану всесильному в честь

В бесстыдстве своём непомерном

Восточная сыплется лесть.

На каждой газетной странице

И в каждой научной статье

Теснятся в строках небылицы

О чьём-то счастливом житье.

И с пылом поистине странным

Верша свой неправедный суд,

В разрез историческим данным

О мертвых историки врут.

Так волей партийной верхушки

И критики передовой

Совсем неожиданно Пушкин

Стал власти и партии свой.

Когда доказательства плохи,

*Их ждёт неминуемый крах.
Созвучен ли Пушкин эпохе,
Имеющей стимулом страх?
В стране, где не смеют друг другу
Простейшие молвить слова,
Доносы вменяют в заслугу,
И слёзам не верит Москва ...
Нет, гений дворянской культуры
Не стал бы оправдывать тех,
Кто в мрачные дни диктатуры
Спасается сменой вех.
И мощным откликнувшись звуком
На то, что мы робко таим,
Он первый пошёл бы по мукам
С истерзанным классом своим.
Чтоб слух о страданиях не замер
В аркадах тюремных дворов,
Чертил бы на извести камер
Потоки бичующих строф.
И след этих скорбных анналов
Пронес через грани веков:
И тайну постройки каналов,
И жуткую боль Соловков.*

Стихотворение было опубликовано в США в марте 1992 г. к 100-летию Татьяны Александровны Евгенией Семёновной Шалиной, бывшей научной сотрудницей Музея А.С.Пушкина на Мойке, которой Т.А. Аксакова разрешила его переписать для возможной публикации в будущем. Дата написания 1937 г.

Лас-Вегас, газета «Панорама», № 569.

Забегая вперед, надо отметить, что где-то в 1980-х годах строки другого стихотворения Т.А. Аксаковой, приведенные в статье Владимира Солоухина «*Время собирать камни*» (эмигрантская газета «*Наша страна*», 28 ноября 1980 года, Буэнос-Айрес) попались на глаза Сергею Сергеевичу, который в то время уже долгие годы проживал в столице Аргентины. Прочитав фамилию автора, он очень обрадовался тому, что Татьяна Александровна жива и что их давние встречи во Франции ей не навредили. К сожалению, всего изложенного на этих страницах он так и не узнал.

В Вятских Полянах Татьяна Александровна начала писать свои знаменитые воспоминания. Работу над мемуарами, которая могла привести к новым репрессиям, она не скрывала. Наоборот, в 1953 году в заявлении о снятии судимости, написанном на имя начальника Кировского областного Управления МВД СССР, она сообщала, что досуг посвящает работе над воспоминаниями, которые «*может быть, не лишены некоторого бытового и исторического интереса*».

В 1960 году в письме к кухне бывшего мужа, Н.П. Потоцкой, она писала: «*14.11.1960 г. Вятские Поляны. Относительно мемуаров даю*

Вам полную *carte-blanche*. Делайте с ними что хотите, они мне в настоящее время не нужны. Я буду очень рада, что они получат некоторую *publicite* среди моих друзей пока не дождутся того времени, когда значимость политическая отступит перед значимостью общечеловеческой».

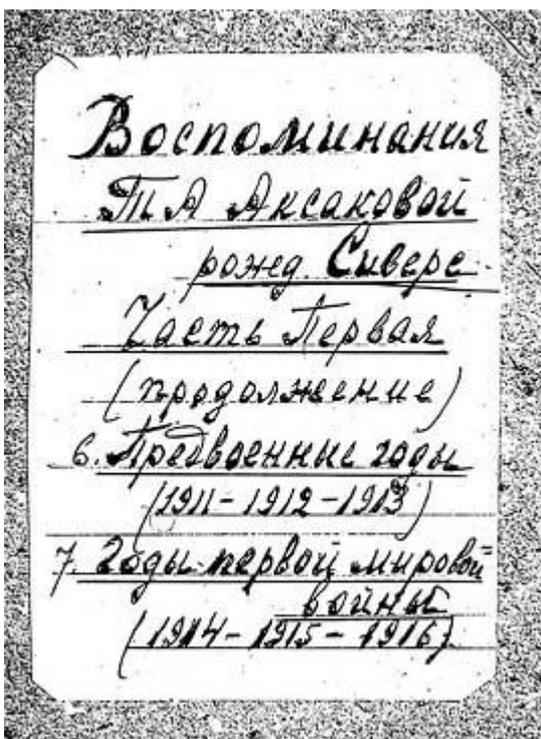
К работе над «Воспоминаниями», а именно так рукой автора на рукописи было написано название мемуаров, Татьяна Александровна относилась крайне серьезно, воспринимая ее как культурную и историческую миссию. Их впервые издал В.Е. Аллой в Париже, где они вышли в 1988 году под названием «Семейная хроника». В 2005 году мы переиздали их в России, дополнив текст воспоминаниями об авторе, новыми приложениями и множеством редких фотографий.

Текст мемуаров, по мере его готовности, она посылала на просмотр отцу, Александру Александровичу Сиверсу, который его тщательно выправлял, критиковал за неудачные выражения и переводы иностранных слов. Татьяна Александровна очень сожалела, что ей были недоступны источники, и приходилось полностью полагаться исключительно на свою память. После смерти отца, его функцию корректора и в какой-то степени цензора взяла на себя Наталья Павловна Потоцкая.

«24.08.1957 г. Вятские Поляны.

Продвинула мемуары почти до ленинградского ареста 1935 г. Заканчиваю главу «На Мойке» (мне кажется интересную!), а потом будет «В ленинградском ДПЗ». Страшно необходима дружественная критика...».

Вышедшие в Париже в 1988 году мемуары Татьяны Александровны под названием «Семейная хроника», самим автором были озаглавлены как «Воспоминания». «Из письма Наталье Павловне Потоцкой. 14.11.1960 г. Вятские Поляны. Относительно мемуаров даю Вам полную *carte-blanche*. Делайте с ними что хотите, они мне в наст. время не нужны. Я буду очень рада, что они получат

некоторую *publicite* среди моих друзей пока не дождутся того времени, когда значимость политическая отступит перед значимостью общечеловеческой». Т.А. Аксакова.

В начале 1970-х годов мемуары были приобретены за 300 рублей отделом рукописей Государственной библиотеки имени В.И. Ленина. Рукопись произвела на сотрудников сильное впечатление. В экспертном заключении было указано, что это «документ, выдающийся среди приобретаемых отделом мемуаров XX века. Они отличаются широтой, достоверностью, богатством фактического материала, из других

источников практически неизвестного, живостью, прекрасным литературным стилем и представляют исключительный интерес для историков XX века». Поскольку в воспоминаниях содержались сведения о репрессиях, рукопись попала в спецхран. Известный литературовед М.О. Чудакова, считала, что подобных им, «в подцензурной советской печати к тому времени давно уже не было».

Еще раньше воспоминания хвалил А.Т. Твардовский, которому Т.А. Аксакова послала несколько глав на ознакомление.

«14.09.1960г. Вятские Поляны.

Дорогой друг, Наташа!

«Поистине пути Господни неисповедимы». Кто мог бы ожидать, что мои мемуары (2 и 3 части, у comprise «В исправительных лагерях» и «Ежовые рукавицы») найдут горячее одобрение Твардовского!

На днях я получила от него экземпляр его поэмы «За далью даль» в красивом переплете с собственноручной подписью кому и от кого. Книга была перевязана золотой ленточкой и закладка лежала на главе «Так это было». Дочь его заходила в Исторический музей и просила передать следующее: «Скажите Татьяне Александровне, что мой отец прочел мемуары и очень они ему понравились, я даже не ожидала – он такой требовательный и придирчивый, очень их хвалил, хвалил и стихи. Посылает свою последнюю книгу». [...] Вот видите, какие «лавры»!

Я не могла удержаться, чтобы Вам все это не описать – Вы знаете, какая я хвастунишка. Но, в конце концов, этот порок «не столь большой руки» и может быть смешон, но не зловреден!».

В Школе рабочей молодежи Татьяна Александровна проявила незаурядные педагогические способности, наладив, по ее словам, прекрасные отношения с учениками. «В классе я чувствовала себя свободно, уверенно, хотя преподавать было трудно: уровень учащихся был весьма неравномерен». Занятия не сводились только к изучению предмета. Татьяна Александровна стремилась сделать их интересными, рассказывала ученикам занимательные факты, имевшие отдаленное отношение к программе. Например, читала наизусть и комментировала шиллеровскую «Перчатку» и доказывала, что «рыцарский поступок» означает «понятие положительное». Ученики спрашивали ее о Венеции, Египте и пирамидах, наконец, о балах. В целом, Татьяна Александровна отмечала, что основной упор в образовании был сделан на точные науки, в силу чего гуманитарные знания учеников оказались чрезвычайно слабыми.

О влиянии Т.А. Аксаковой на молодежь Вятских Полян свидетельствуют воспоминания ее «подшефного студента» Михаила Ивановича Сабса: «И вот в хижине на самом краю затерянного в вятских лесах городка начала открывать мне мир. Передо мной неспешно плыла совсем иная жизнь. Она просто не укладывалась в мои представления о жизни».

Он познакомил Татьяну Александровну со своими школьными друзьями, и «как-то так получилось, что все, кто общался с тетей Таней, стали гуманитариями», многие получили высшее образование.

Татьяна Александровна писала: «... у меня живет Миша и с утра до вечера толются его товарищи, которые, видимо, тоже предпочитают (Как это ни странно!) сидеть у меня, чем «предаваться любовным похождениям».

И Татьяна Александровна рассказывала, и было о чём. Тем более, что дети не знали ровным счетом ничего. Они не ведали, например, что

сидящий мужчина

На обратной стороне этой фотографии рукой Т.А.Аксаковой написано: «1952 г. В Кирове у Батюшковых (первый справа – Н.Г. Лермонтов), М.Э. и В.И. Батюшковы (посл. слева)». Собрание Отдела рукописей Российской государственной библиотеки.

встаёт с места, когда входит дама; что вилку держат в левой руке; что первый танец на балу – полонез, а шампанское подают в конце трапезы.

Из рассказов ссыльной медсестры советские провинциальные мальчики и девочки узнавали о поздних царских временах. Узнавали много нового, совершенно неожиданного. Оказывалось, в отличие от существующих реалий, границы державы были открыты – можно было запросто поехать в Париж, в Германию, в Италию. Оказывалось, многие помещики заботились о мужиках, стараясь облегчить и улучшить их быт, бесплатно раздавали свои барские земли; и те в период лихолетья платили бывшим господам той же монетой, выкармливая их всей деревней по очереди. Получалось, что доброта, справедливость, сочувствие ближнему распределены вовсе не по «классовому признаку».

В конце 1940-х – начале 1950-х годов в СССР снова стала нарастать политическая напряженность, началась очередная кампания по поиску врагов внутри государства. В связи с этим, в августе 1951 года Т.А. Аксакову уволили из Школы рабочей молодежи. Непосредственным поводом послужило то, что она давала два раза своему ученику, работавшему дежурным на железнодорожной станции, письма к отцу, с просьбой отправить их с московским поездом. Но подлинная причина заключалась в ее «политической неблагонадежности». Однако потребность в преподавателях иностранных языков в городе сохранялась, и через неделю после увольнения к ней обратились с просьбой начать занятия в заочном машиностроительном техникуме.

Находясь в Вятских Полянах, Т.А. Аксакова стремилась поддерживать отношения с бывшими знакомыми по заключению, по

дореволюционной жизни. Когда в конце 1940-х годов в Кировской области появились высланные репатрианты Н.Г. Лермонтов, П.Г. Трубецкой и другие, она дружески общалась с ними. Во время редких полулегальных поездок в Москву встречалась с внучкой Л.Н. Толстого – Анной Ильиничной, и другими уцелевшими представителями дворянского общества.

На протяжении второй половины 1940-х – начала 1950-х годов Татьяна Александровна продолжала бороться за свою реабилитацию.

В 1947 году она собирала документы для снятия судимости. Однако заключение Управления Министерства государственной безопасности СССР по Кировской области (от 20 января 1948 года) по ее делу

Татьяна
Александровна
Аксакова (ур. Сиверс)
с отцом Александром
Александровичем
Сиверсом. Собрание
Отдела рукописей
Российской
государственной
библиотеки.

оказалось
неблагоприятным.
Особое внимание
уделялось ее

родственникам: гражданскому мужу Владимиру Сергеевичу Львову (арестованному в 1937 году) и бывшему мужу Борису Сергеевичу Аксакову (о котором указано, что он сын председателя Калужской земской управы и арестовывался), матери и сыну (служит во французской армии), Сергею Сергеевичу Аксакову (о нем указано, что проживал в Болгарии, член РОВСа и агент английской разведки). Подчеркивалось также, что связь с родственниками, проживающими за рубежом, Т.А. Аксакова поддерживает через двоюродного брата, Сергея Курнакова, который работает корреспондентом американской газеты «*Moscow News*» в Москве. По поводу существования антисоветской группы в Саратове не только не выражалось ни малейшего сомнения, но и подчеркивалось, что «за период проживания Аксаковой в гор. В. Поляны Кировской области также получено ряд данных о связи ее с антисоветским элементом и проведении антисоветской агитации», свидетельствующих о том, что она «не прекратила антисоветской деятельности». Вывод из подобного обзора мог быть только один – в снятии судимости отказать.

В заключение инстанций обращают на себя внимание два момента.

Во-первых, его составители явно пользовались не только материалами дел 1935 и 1937 годов, но и какими-то дополнительными источниками, скорее всего – материалами негласного наблюдения за Т.А. Аксаковой.

Во-вторых, особое внимание уделялось связям с границей, что полностью соответствовало политической обстановке конца 1940-х годов, кампании по борьбе с космополитизмом.

Татьяна Александровна не могла знать, что описанный ею в главе *«Последние годы в Вятских Полянах»* вежливый, улыбчивый и обходительный начальник местного подразделения НКВД капитан Белозеров, каждый раз, отвечая на запрос вышестоящей инстанции о возможности реабилитации поднадзорной Т.А. Аксаковой, давал резко отрицательные заключения, отказывая в снятии с нее судимости. С легкой руки чекистов Татьяна Александровна, подозреваемая в шпионаже в пользу Франции, имела у сотрудников госбезопасности псевдоним или, как это фигурирует в деле, окрас – *«Агент французский»*. В качестве аргументации отказа в реабилитации, в том числе, указывался факт написания мемуаров, как порочащих социалистический строй.

17 апреля 1948 года Особое совещание при Министре государственной безопасности СССР Татьяне Александровне Аксаковой в снятии судимости отказало.

Видимо, заподозрив предвзятое отношение к себе со стороны органов (к этому времени некоторые репрессированные, в том числе проходившие с ней по одному делу, уже добились реабилитации), она в конце августа 1952 года направила письмо на имя И.В. Сталина. В нем излагалась просьба о снятии судимости и о возможности поселиться вблизи от уже пожилого отца, живущего в Москве, или хотя бы иметь разрешение его навещать. В октябре повторно заполнила специальное заявление о снятии судимости и собрала документы, приложив исключительно положительную характеристику из районной больницы.

17 января 1953 года Особое совещание при Министре государственной безопасности СССР в очередной раз отказало Татьяне Александровне Аксаковой в ее просьбе.

Дальнейшая хронология событий развивалась следующим образом.

В мае 1953 года Т.А. Аксакова обратилась к Генеральному прокурору СССР Сафонову. Ответа долго не было, в высших эшелонах власти происходили политические изменения, от которых зависело решение проблемы с незаконно репрессированными в целом.

В феврале 1954 года было направлено повторное заявление Генеральному прокурору СССР (уже Р.А. Руденко) с просьбой рассмотреть прежнее ходатайство. Вышестоящее руководство изъяло дело Татьяны Александровны из-под опеки улыбчивого особиста Белозерова, и в марте 1954 года она была вызвана в Киров, в областное управление внутренних дел, где ее встретили *«весьма учтиво»* и сообщили, что дело направлено в Москву на пересмотр.

В марте 1954 года было составлено заключение по делу. В нем впервые предлагалось снять судимость 1937 года. О ранней судимости 1935 года в документе не упоминалось.

В ноябре 1954 года Т.А. Аксакова обратилась в Министерство внутренних дел СССР, с просьбой ускорить пересмотр, в котором

написала: *«Очень не хотелось бы умереть, не сняв с себя тяготеющие надо мной долгие годы обвинения».*

В марте 1955 года Татьяна Александровна обратилась к прокурору Саратовской области по спецделам с просьбой ускорить пересмотр дела.

Старшим следователем следственного отдела Управления КГБ при

Татьяна Александровна (2-я слева, во 2-ом ряду) с преподавателями и выпускниками школы рабочей молодежи. Выпуск 1949 года. Личное собрание И.С. Капланской (1 ряд, 2-я слева). Вятские Поляны.

Совете министров СССР по Саратовской области Мешковым дело было пересмотрено. В заключении, датированном 13 октября 1954 года, указывалось, что из показаний обвиняемых не ясно, какие конкретно антисоветские разговоры велись, и кто именно их вел. Еще более нелепыми являлись показания В.И. Орловой, которая назвала Татьяну Александровну Аксакову знакомой, но в числе присутствовавших на *«сборищах»* лиц не указала. В отличие от приговора, в заключении

Правильно указано, что Т.А. Аксакова виновной себя не признала. Были обнаружены также формальные процессуальные нарушения: обвинения Т.А. Аксаковой и супругам Скобельцыным не предъявлялось, с материалами дела они не знакомились, обвинительное заключение прокурором не утверждалось.

«Татьяна Александровна прекрасно понимала, что преподает людям, которые, отстояв 12 часовую смену, пришли в школу за знаниями. Никогда не будила тех, кто засыпал на ее уроках, а когда задавала вопросы, сама украдкой подсовывала шпаргалки с ответами. Это был самый светлый человек во всем городе».

Однако, несмотря на явную надуманность обвинений, изучавший дело капитан Мешков счел, что виновность обвиняемых была лишь «в достаточной степени недоказанной». Он предложил направить дело Генеральному прокурору СССР, с просьбой внести протест в Верховный суд СССР об отмене решения тройки и прекращении дела не за

отсутствием состава преступления, а «за недостаточностью собранных улик». Фактически, таким решением существование «антисоветской организации» все-таки признавалось.

В сентябре 1955 года военный прокурор Приволжского военного округа в порядке надзора внес протест на приговор тройки при Управлении НКВД по Саратовской области и последующие постановления Особого совещания при Министерстве государственной безопасности СССР, в котором указано, что они не могут оставаться в силе, и подлежат отмене. В протесте, в отличие от заключения 1954 года, делу дана более объективная и однозначная оценка. Показания Орловых признаны не только общими и неконкретными, но и сомнительными по содержанию, поскольку из них не видно, где, когда и при каких обстоятельствах были допущены «антисоветские высказывания» и в чем они заключались. Арест и осуждение Т.А. Аксаковой и Скобельцыных признавались необоснованными, а доказательства их виновности отсутствующими

Вятские Поляны.
Районная больница.
Средний ряд: 4-я
справа Татьяна
Александровна
Аксакова, 6-я справа
Мария Семеновна
Дильмухаметова.
1960 год. Личное
собрание М.С.
Дильмухаметовой.
Вятские Поляны.
Россия.

На основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года было предложено все постановления отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления в действиях всех осужденных.

Именно такое решение и вынес Военный трибунал Приволжского военного округа в определении от 27 сентября 1955 года, которое было вручено Татьяне Александровне Аксаковой 17 октября того же года.

В письме к Наталье Павловне Потоцкой от 06.01.1956 г. она указывала: *«Замечаю, что реабилитация нарушила мое душевное равновесие! Очень хочу Вас видеть. А пока переписываюсь с обломками ленинградского крушения 1935 г. Л.И. Крашенинниковой и Варенькой Ланской».*

Это была долгожданная победа, однако, судимость 1935 года за ней оставалась. В июле 1956 года Т.А. Аксакова обратилась к прокурору Ленинграда Тихомирову с заявлением о пересмотре дела и реабилитации. В нем она четко указала, что ее единственной виной и основанием для репрессий являлось дворянское происхождение.

19 марта 1957 года президиум Ленинградского городского суда отменил постановление Особого совещания при НКВД СССР за отсутствием состава преступления, и Т.А. Аксакова была признана полностью реабилитированной. В апреле Татьяне Александровне вручили справку о реабилитации. Вслед за этим она обратилась в Ленинградский городской суд с запросом о возврате изъятых при аресте писем и фотографий.

Таким образом, полная реабилитация Татьяны Александровны Аксаковой заняла целых 20 лет после даты последнего приговора. Однако, несмотря на это, ее надзорное дело было закрыто лишь в 1991 году, лишь через 10 лет после ее смерти (и видимо после смерти в Буэнос-Айресе в 1987 году брата ее бывшего мужа Сергея Сергеевича Аксакова).

Здоровье Татьяны Александровны не улучшалось, давало знать приобретенное в лагере заболевание, а современные методы лечения не давали положительных результатов.

Она писала: *«Мои изменения «опорно-двигательного» аппарата гораздо более стойкие и имеют 22-летнюю давность; грязи бессильны перед следствием «ежовых руковиц»! Врач в Кисловодске 8 лет назад мне сказал: «Благодарите свой организм за то, что Вы вообще остались живы после того, что у Вас было, а теперь Вам нужен только «щадящий режим» – не лежать на жестком и не переутомляться хождением и особенно стоянием».*

1960-е годы в Вятских Полянах принесли Татьяне Александровне и радости и огорчения. Как лучик солнца осветила ссылочные будни весточка о том, что ее сын, Дима, жив, в чем она давно сомневалась, так как боевые действия во время войны велись и на территории Франции. Дмитрий, как и его двоюродный брат Алик (Александр Александрович Сиверс), вполне мог принимать в них участие.

Татьяна Александровна в письме к Н.П. Потоцкой восторгается:

«Дорогой мой друг!

Вы, наверное, легко можете себе представить в какое радостное волнение и смятение чувств меня повергло сообщенное вами известие! И все – Вы!! Я испытываю желание запеть арию: «Наташа мне дана небесным Провиденьем!».

Мне от него [от сына – А.К.] ничего не нужно, а если становиться на такую, чисто современную точку зрения, то скорее он может получить что-то от меня (понятно не в материальном, а в моральном отношении, чем я от него). Все это пустые и, может быть, ни на чем не основанные размышления, но я, откровенно говоря, боюсь новых травм и разочарований и уже не жду *«нечаянных радостей».*

В ссылке Т.А. Аксакова жила при районной больнице, где и работала. Иногда ее навещали родственники и друзья, любил проводить каникулы «подшефный студент», сын ее подруги, Миша Сабсай, который предпочитал рыбалку на Вятке всем остальным развлечениям. В перерыве между нашествиями *«иноплеменников»*, душу Татьяны Александровны согревало лишь однородное существо – ее любимая

собачка Душка. И вот – очередной страшный удар судьбы, да только все ли это поймут? *«Дорогая моя Наташа!»*

... вчера утром была застрелена моя милая Душка. – 20 лет больница не видела моих слез, но вчера она их увидела. Дело в том, что в Полянках решили провести «мероприятие» по борьбе с бешенством, которого у нас и в помине не было, и по городу ходили палачи с винтовками и стреляли собак, оставляя на снегу лужи крови. На днях на больничном дворе было убито пять собак, но Душка в их число не попала. Я за нее не особенно беспокоилась, так как она была зарегистрирована в горсовете, и на ней был прекрасный, подаренный Лизой Шереметевой ошейник с висящей на нем регистрационной бляшкой.

Вятские Поляны. Районная больница. Татьяна Александровна Аксакова в центре снимка в белой вязаной шапочке. Перед ее возвращением в родной город на Неве. 03.08.1967 года. Личное собрание Г.М. Дуловой. Вятские Поляны. Россия.

Вчера она, как всегда, ночевала дома на коврике у моей кровати, а в 8,5 час. мы вышли из дома. Я пошла в кабинет гл. врача, а она резвилась в сугробах снега вокруг домика скорой помощи (она была очень весела и свободолюбива). Через 15–20 минут прибежали из скорой помощи с криком: *«Татьяна Александровна, Душка умирает!»*. Когда я прибежала все было кончено. Она, видимо, получила выстрел в упор в голову, потому что из носа текла струйка крови. *«Стрелок»* скрылся, так как, по видимому, обнаружил регистрационную бляшку и побоялся ответа. Он даже не захватил ее трупа, за которые они отчитываются и получают по 60 коп. Я подала жалобу в милицию, но это – пустое дело и Душку не воскресить.

Вчера целый день ходила по городу и смотрела глупейшее кино, чтобы не идти домой, где все ее напоминает. Теперь никогда не заведу собак, поскольку мне на роду написано не иметь *«домашних радостей»* даже в окружении собак! Утешаюсь, что она не мучилась и смерть наступила быстро. Она была очень нежна, так как я ее ни разу не ударила и прожила полуторалетнюю жизнь. Может быть это пройдет, но сейчас я

чувствую отвращение к Вятским Полянам. Вспоминаю Тургеневского Герасима после гибели «Муму», он не смог оставаться на месте и ушел куда-то в неизвестность. Так как я фаталист, то я думаю, что это какой-то психологический сдвиг, отрывающий меня от Полян».

В 1967 году Татьяна Александровна Аксакова вернулась в Ленинград. В последние годы жизни она продолжала работать над воспоминаниями. В 1969 году после долгих мытарств вышла в свет переведенная ею еще в Вятских Полянах книга Акселя Мунте «*Легенда о Сан-Микеле*», которая стала заметным событием в литературной жизни. 50 тысячный тираж ее был раскуплен за несколько дней. «*Слава Акселя Мунте, которая отгремела в Европе 50-40 лет тому назад, теперь гремит в Москве*», – отметила Т.А. Аксакова.

К тому времени она осталась совершенно одинокой, все близкие родственники умерли, а живший во Франции племянник Александр Александрович Сиверс отказался с ней переписываться. «*Для меня это не совсем ясно*», – заметила Татьяна Александровна Аксакова в дневнике. Она его оправдывала, связывая подобный поступок со службой во французской авиации.

Татьяна Александровна продолжала общаться со старыми знакомыми, вести активную жизнь, поддерживала переписку. В собрании М.И. Сабсая сохранилась следующая запись, сделанная ее рукой и датированная февралем 1975 года.

«Ответ на послание В. Полянских друзей с приглашением приехать к ним в гости (заканчивающееся словами «Мобилизуем все резервы для новых встреч с «Татьяной Первой»).

*«Мобилизую все ресурсы,
Чтоб совершить весной экскурсии
В те сердцу милые края,
Где долго пребывала я.
Сказал бы Пушкин: «В заточенье»,
Но это – преувеличенье!
Нельзя реальность забывать,
И четверть века – срок немалый,
Что я на Вятке пребывала,
Хотя бы «ссылкой» называть.
За то воздать должна сторицей
Друзьям по школе и больнице!*

В начале 1970-х годов она оказывала помощь в родословных изысканиях известному генеалогу-любителю из Костромы А.А. Григорову, которому сообщила сведения о месте нахождения рукописей отца, послала материалы по родословию Лермонтовых, Шиповых и других дворянских семей.

Как упоминалось ранее, ей удалось наладить переписку с кузиной мужа Натальей Павловной Потоцкой, с которой они делились впечатлениями о новых литературных произведениях советских и зарубежных авторов. В своих письмах Татьяна Александровна сетовала на свою подругу детства Лялю (Ольгу Николаевну Запольскую – в

замужестве Базилевскую), которая писала крайне редко, посвятив себя непонятной для Т.А. Аксаковой роли – заботе о внучке.

Еще в 1959 году она писала: *«Как мне грустно, что мы потеряли Лялю. (надеюсь временно!) То, что не смог сделать лагерь сделало такое маленькое существо... Удивительно, что она, когда Андрей (сын Ляли – А.К.) был маленьким, не уходила в него целиком и оставляла кое-что для других, а теперь такая гипертрофия чувств!»*.

О насыщенной интеллектуальной жизни Т.А. Аксаковой в тот период дают представление разрозненные дневниковые записи конца 1960-х – 1970-х годов. Она тщательно следила за упоминаниями о дворянстве в прессе, за литературными и кинематографическими новинками, фиксировала в них ошибки и неточности. Так, об одном из эпизодов фильма, посвященного жизни А.П. Чехова, писала: *«Удивительное непонимание эпохи, нравов и обычаев!»*.

О судьбе своих воспоминаний и возможности их экранизации (что делается в настоящее время) она писала: *«Хотя я никогда не была склонна заглядывать в будущее, порою я задумываюсь над судьбой моих мемуаров. Прележав несколько десятилетий под спудом, они могут попасть в руки лица, интересующегося этой эпохой, о которой, в силу сложившихся обстоятельств, останется мало написанного (хочется добавить, «правдиво» написанного). [...] и меня охватывает страх при мысли, что сделает он из моей персоны и всего моего окружения, приспособляясь ко вкусам публики 2000 года!»*

Т.А. Аксакова интересовалась мемуарами, в том числе изданными за границей (в частности, читала воспоминания протопресвитера русской армии и флота Г. Шавельского, изданные в 1954 году в Нью-Йорке). Слушала Би-Би-Си, читала А.И. Солженицына и В.А. Солоухина. Сохраняла религиозность, в записи от 4 апреля 1969 года упоминала, что простояла церковную службу во Владимирском соборе.

Скончалась Татьяна Александровна Аксакова 3 декабря 1981 года в Ижевске, куда была перевезена Михаилом Ивановичем Сабсаем.

«Она ушла, и никого не было рядом». Похоронена на Южном кладбище, расположенном далеко от города, почти в лесу. Могилу накрыли еловыми ветками, которые наломали там же. Ее сводная сестра, Ольга Борисовна Брядихина (ур. Шереметева), вспоминала: «Уже уходя с кладбища, я в последний раз оглянулась на могилу и поразились, как могила Татьяны Александровны выглядела удивительно просто и благородно среди окружающих ее могил, покрытых искусственными цветами и венками. Такою же простой и благородной была вся, прожитая ею жизнь!».

На девятый день М.И. Сабсай приехал на кладбище и увидел, что поставленный на могиле деревянный обелиск был украден, и место погребения потеряно. Ему вспомнилось, что Татьяна Александровна, обращаясь к нему, говорила о своем брате Шурике, расстрелянном на Соловках: *«Могилы у него нет, и я прошу тебя, если тебе придется меня было»*. Он повернулся и ушел, подумав – *«Пусть будет так, как она хотела»*.

Список литературы

1. Аксаков С.Т. Избранное: сост. И прим. А.Л. Осповатова. – М.: Моск. Рабочий, 1987. – 554 с.
2. Аксаков, С.Т. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова – внука. Стихотворения / С.Т. Аксаков; вступ. статья Е. Анненковой; коммент. Л. Сухановской и В. Фатеева. – М.: Худож. лит., 1986. – 575 с.
3. Вечный берег: Два века поэзии Оренбуржья: избранная лирика / сост. Г.Ф. Хомутов, В.Н. Кузнецов. – Калуга: Золотая аллея, 1994. – 384 с.
4. Войтоловская, Э.Л. С.Т. Аксаков в кругу писателей –

- классиков: документальные очерки. – Л.: Дет. лит., 1982. – 220 с.
5. А.С. Кулешов.- М.: Территория, 2009. - 328с.ил.
 6. Кулешов, А.С. Аксаковы. История разбитых судеб/
 7. Лобанов, М. П. Сергей Тимофеевич Аксаков. — М.: Мол. гвардия, 1987 (2-е изд., 2005). (Жизнь замечательных людей).
 8. Машинский С. И. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. М., 1973
 9. Наумов О.Н. Род Аксаковых в контексте истории русского дворянства // Кулешов А.С., Наумов О.Н. Аксаковы: Поколенная роспись. М.,2009. Чванов М. А. Из славной семьи Аксаковых // Русский дом.2010. №1. - С. 46.
 10. gov.ru/magnoliaPublic/regportal/aks/aksakov1.html
 11. <http://www.aksakov.info/index.php7icNI>
 12. <http://www.fedormcb.ru/АКсаКОВ>
 13. <http://www.orenburg>